

16+

КСЕНИЯ ХИЖ

Иссымо из
ПРОШЛОГО

Ксения Хиж

Письмо из прошлого

«Автор»

2020

Хиж К.

Письмо из прошлого / К. Хиж — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-97833-1

Юная Мария на пороге совершеннолетия: выпускной, светлые мечты о будущем, первые серьезные отношения. Так должно было быть. Но в ее сером мире царит тревога и уныние: родители в бесконечном запое, бедность, голод и хаос в жизни и в доме. И как назло она впервые влюбляется в неподходящего ей по всем меркам парня. Он из обеспеченной семьи, старше ее на пять лет, спортсмен, и в его окружении только красавицы-студентки. А она? Кто она для него? Одноклассница его младшего брата? Серая мышь с вечно грустными влюбленными глазами? Или изгой, как для остальных? Но у судьбы коварные планы и не менее удивительные подарки. Она отнимет у нее близких, бросит в водоворот страха и унижения, но этот парень вдруг протянет ей свою руку...

ISBN 978-5-532-97833-1

© Хиж К., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Часть 1. Маша	5
Глава 1. Ненужная дочь	5
Глава 2. Я не маленькая!	10
Глава 3. Небесный голубой	15
Глава 4. А она любит дождь	20
Глава 5. Снова одна	24
Глава 6. Здравствуй, учеба!	30
Глава 7. Новая родственница	39
Глава 8. Вечеринка в аду	46
Глава 9. Подарки из детства	52
Глава 10. То, о чем и не могла мечтать	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Ксения Хиж

Письмо из прошлого

Счастье – просто!

Часть 1. Маша

Глава 1. Ненужная дочь

В квартире дубак. В щели, размером с палец, деревянных оконных рам, невероятно сквозило. Но Маша, натянув на костлявое тело джинсы и растянутый старый свитер, все-таки села на подоконник.

Стрелка настенных часов громко щелкнула. Пять часов вечера. До прихода родителей около часа – успеет покурить и возможно, перекусить.

Внизу у подъезда сплетницы. Чешут языками, жадно обсуждая ее семью, которую семьей язык не поворачивается назвать. Так, оболочка. Она сама по себе, мать и отец – сами. Они дружат с сорокоградусными парами спирта, с трехзвездочным портвейном, с килькой с вылупленными глазами, утопленной в томатном соусе, словно в крови, с собутыльниками, которые сменяют друг друга как настенные листы календаря. Каждый день новые. А она, дочь, у них одна. Всегда. Но они об этом давно уже забыли.

Чиркнула по коробку. Запах горящей спички. Затянулась. Никотиновый дым плывет вокруг бледного лица. Приходится жмуриться. Глаза карие – вечно круглые, словно застывшие в изумлении от этой жизни, слезятся. А снизу слышны голоса соседок.

– Они венчались. А все одно – живут во грехе.

– Да ты что! – пожилая женщина с короткими волосами, бывшими когда-то явно седыми, но сейчас выкрашенными в красный цвет, наигранно всплеснула руками.

И не надоело им? Десятый, а то и сотый раз, по кругу одно и то же.

Маша грустно усмехнулась, прислонилась лбом к стеклу. От дыхания образуется бесформенное запотевшее пятно. Стирает его, нервно покусывая губы.

– Я и говорю, венчанные! – вскрикнула соседка Маши с третьего этажа. – Венчанные!

Оглохнуть бы, да второй этаж – и видно хорошо, и слышно отлично. Жаль только слушать приходится про себя же и свою семью. Противно.

– А что за грехи то? – малиновые волосы вся подобралась от интереса, сжалась, превратившись и без того худой дамы в сухую маленькую старуху. Одни уши и видеть.

– Так они когда-то, раньше, – соседка махнула рукой в сторону, показывая жестом, что давно, далеко и не правда, – хорошо жили. Ну как все – ни больше, ни меньше, а как к зеленому змею пристрастились, так и началось.

– Что началось? Что за змей такой? – спохватилась вторая дама.

– Ты как будто вчера родилась! – обе одновременно цокнули, первая от возмущения, вторая от обиды.

Маша усмехнулась, снова затянулась, закашляла – крепкий красный бонд – отец курил только такие. На улице пасмурно, начинает темнеть. Она уже видит своё отражение в стекле – темные глаза, плотно сжатые губы. Кажется, они на пол лица. «Маша, у тебя красиво очерченный рот» – любила повторять ее учительница английского в школе. С пятого по девятый класс она говорила ей одно и то же.

– Мишка то сварщик на нефтезаводе, хорошо зарабатывает, квартиру вот эту от работы получил, а Аннушка, жена его в десятой медсанчасти всю жизнь врачом проработала, а сейчас медсестрой бегают, разжаловали. Ее говорят, хотели уволить, уж больно выпить она любит, да пожалели, ребенок все-таки у них. И на что оно им, пьянь эта – не пойму!

– А грех-то где?

Обе сплетницы замолчали.

– А это тебе не грех?! – вскрикнула жительница ее дома. – Пить почему зря, а ребенка на произвол судьбы бросить, это тебе не грех? Ей пятнадцать...или семнадцать, не помню точно, скорее пятнадцать.

– Семнадцать...– лениво прошептала Маша.

– А она уже сама по себе, того и гляди принесет им в подоле, а в квартире срам и смрад!

– В подоле! Вот еще! – Маша недовольно скривилась, а сплетница все продолжала:

– Школу прогуливает, до ночи гуляет где-то, ходит как оборванка, вечно холодная и голодная.

Маша порывисто выдохнула:

– Сама ты холодная!

– А в доме проходной двор! Пьянь одна к ним в квартиру идет, мужики всех возрастов! И кем она вырастет? Кто знает, что там у них происходит?

– Да утомнитесь вы. – Маша поморщилась от отвращения, мотнула головой, спрыгнула с подоконника, бросив на прощание окурки в форточку.

В животе привычно заурчало. Интересно, она когда-нибудь была сытой? Вот чего-чего, а этого она не помнит. Кажется, она хотела есть всю свою сознательную жизнь.

Она вышла из своей комнаты, прошла по длинному коридору, мимо дверей в ванную, в зал и заглянула на кухню. На столе гора бутылок из-под водки, обгрызенные корки черного хлеба, остатки кильки, что смотрит на нее из красного кровавого моря черными горошинками, кусок сала с прилипшей к нему волосинкой, заветренная колбаса. Пол в черных разводах от обуви – надо же, уже и разуваться перестали...

Покрутилась над столом – кильку только из-за этих вот выпученных глаз есть ни в жизнь не станет, остальное – доверия и аппетита не вызывало. Открыла кухонные шкафчики – сухари, крупа – в ней она как-то видела рыжих муравьев, пачка чая; холодильник – мышь повесилась и три яйца.

Взяла их, набрала в кастрюлю воду и бросила поочередно. Всплыло только одно. Два других рискнула пожарить.

Вкусно. Хотя и пригорели. Жарить вновь пришлось без масла. Но мало. Очень мало. От слова совсем. Лишь раздражила себя.

Маша облизнула вилку, отодвинула тарелку, вновь облизнула – надо же, уже и зализала до блеска. Вылизала бы еще и тарелку, да в дверь постучали.

– Ключи снова потерял? – спросила она, открывая дверь.

– Да, Машуль, потерял. – Отец поднял голову и криво улыбнулся. – Я снова пьян.

– Я вижу. – Захотелось сбежать из дома. Час, два и на их кухне снова соберутся галдящие гости. Довольные, радостные – алкогольный дурман давно стал для них раем.

Под смех отца – и чего он веселится? – закрыла дверь, помогла ему разуться. Он откинул ботинки в сторону, затоптался по липкому полу, пританцовывая.

– А мать где?

– На работе еще. Ты иди, приляг, а я пойду, погуляю, меня Галя звала.

– Куда это? – отец попытался хмуриться, выполняя отцовские обязанности, но у него ничего не вышло. Он пошатнулся и начал медленно оседать, пытаясь приземлиться на низкий табурет, стоявший здесь же у двери в коридоре.

– Не переживай, я скоро. – Маша схватила с вешалки ветровку, быстро обулась и выбежала в темный подъезд.

У подъезда уже не было двух престарелых сплетниц, видимо её окурок попал в намеченную цель. Вместо них на лавочке восседала местная компания – четыре ее одноклассницы по училищу во главе с грудастой Надькой, которой на вид было все двадцать, и три парня на год старше.

– Привет. – Она поздоровалась с ними, бросив на них кроткий взгляд, ускорила шаг, направляясь к автобусной остановке. Девчонки проигнорировали ее приветствие, лишь шумно рассмеялись в ответ. Как любила выражаться все та же Надька – Машка Котовас была не породистой, а значит, на их общении заведомо поставлен крест. Оно и понятно, она же не меняла каждый день наряды, не бегала на местные дискотеки по выходным, не красила вызывающе красной помадой губы и не ходила с длинными распущенными волосами на тонких шпильках, а всего лишь с тоненьким хвостом и в старых растоптанных кроссовках. Так понятно, что даже обижаться не получалось.

Под ногами влажный асфальт. За спиной смех. Шумная компания все еще обсуждает ее. Маша сморщилась – неприятно, в душе жалея, что не похожа на них – красивых, хорошо и модно одетых, популярных в школе и техникуме, из приличных семей. Из семей, в которых никто не пропивает свою зарплату за несколько дней, а потом водит в дом местных алкашей, чтобы совместно сообразить хоть на какую-нибудь закуску. А о том, что их ребенок иногда по несколько дней почти ничего не ест – родители в пьяном угаре могли и не вспомнить.

А ведь соседка права. Маша села на лавочку на автобусной остановке. Нет, ехать она никуда не собиралась, а вот посидеть, понаблюдать за происходящим через дорогу, потом набравшись наглости, стрельнуть сигарету у прохожего – это можно. Такие посиделки случались здесь у нее все чаще, а причиной был ОН.

Маша снова тяжело вздохнула, возвращаясь мысленно домой. Соседка права, раньше все было иначе. Когда-то в их доме было светло и уютно, пахло вкусной едой с кухни, на которой мама кружилась как пчелка, готовя им с отцом и обед и ужин. В квартире царило счастье и радость, а не хаус и смрад от дешевого табака и алкоголя. Было счастье, был смех. Маша часто вспоминала, как они гуляли по Космическому проспекту, теплыми летними вечерами. Она держала с одной стороны за руку мать, с другой – отца. Вот что такое счастье. В мелочах, соединив которые получаешь радость. Счастье – просто. А сейчас она сидит здесь, на пыльной лавочке у дороги. Одна. И ее руки дрожат от холода, а пальцы больше не греют родительские ладони.

Маша мотнула головой, прогоняя воспоминания. Через дорогу у шиномонтажки остановились две машины – черная девятка, и темно-синяя иномарка, его – Максима. Парень вышел из машины, оставив дверь открытой, и до нее донеслись звуки музыки – Би-2 Полковник.

Она обожала эту песню. Одно из немногих чему ее научил отец, это любви к русскому року. Не зря ведь ее комната увешана постерами рок-групп и завалена кассетами с музыкой. Правда, в последнее время старенький магнитофон стал совсем никудышный: музыку воспроизводил через раз, то проигрывая, заикаясь, то разрывая пленку.

Тем временем Максим снова сел в машину и его тойота, громко зарывчав, рванула с места. Маша проводила его горящим взглядом, шмыгнула носом. Сердце снова учащенно билось. Впрочем, как и всякий раз, когда парень оказывался в поле её зрения.

Слева от дороги раздался смех. Несколько девчонок что-то покупали в киоске. Маша подошла к цветной витрине – шоколадки, чипсы, сок – хотелось всего и сразу. Покрутившись у витрины и проверив еще раз пустые карманы, она обернулась на визг тормозов – машина Максима остановилась у остановки. Сердце ушло в пятки и оттуда завибрировало дрожью по телу. Она уставилась на него во все глаза. Смотрела и не могла ни моргнуть, ни отвести взгляд,

ни пошевелиться. Господи, словно парализовало! А он обаятельно улыбался, общаясь с кем-то сидящим на заднем сиденье.

Маша выдохнула, провела рукой по своим светлым, самостоятельно осветленным волосам, поправила толстовку темно-серую, бывшую когда-то белой и, выдохнув, направилась к его автомобилю.

Наглость – второе счастье, – говорила ее подруга Галина, а потому Маша, уверовав в ее слова, почти поборола дрожь. Ну и пусть, что ноги дрожат, а ладони становятся влажными, зато она вновь услышит его голос и почувствует устремленный на нее взгляд: цепкий, изучающий и такой бездонный, как ночной океан.

– Привет! – она наклонилась, положив руку на машину. Старалась выглядеть расслаблено и уверенно, и вроде получалось.

Макс повернул голову, молча окинул её взглядом.

– Привет. – Голос как всегда негромкий, с присущей только ему легкой хрипотцой. – Чего хотела?

– А кто это? – раздался голос с заднего сиденья.

– Маша. – Отозвался Максим уверенно, повернулся к ней. – Так ведь?

– Да, – она улыбнулась, поежилась от порыва ветра.

– Одноклассница моего брата. – Добавил он и скользнул по ней оценивающим взглядом.

В его синих глазах не вспыхивают искры интереса, влечения или симпатии, но в них и не отражается жалость или брезгливость. И нет безразличия. Он смотрит пристально и глубоко, словно заглядывает в самую душу.

– М-м, восьмиклассница-а, – пропел все тот же мужской голос парня с заднего сиденья.

– Почти. – Усмехнулся Максим, продолжая сверлить ее взглядом. – Второй курс местной шараги, учатся там после девятого класса.

И только когда она кивнула, закусывая губы, отвернулся. Защелкал пальцами по кнопкам на магнитоле.

– Садись в машину, раз подошла, чего стоишь?

Маша переступила с ноги на ногу. Вообще-то она всего лишь хотела спросить сигарету, но от приглашения отказаться не смогла, а потому открыла дверь и села. В машине уже под общее одобрение играла та самая песня про восьмиклассницу группы Кино.

– Есть сигареты?

Он удивленно усмехнулся, чуть помедлил.

– Ну?

– Держи. – Он протянул ей открытую пачку, и Маша взяла одну, подкурила, обернулась назад на поющего молодого человека.

– Илья. – Представился тот. – И не страшно тебе, Маша, такой маленькой девочке, садиться в машину к взрослым мужчинам? – Илья засмеялся, пританцовывая руками в такт музыке.

Маша окинула его взглядом – русые, немного выгоревшие на солнце волосы, светлые глаза и темные густые брови. На вид чуть больше двадцати и, скорее всего, так и есть, ведь Максиму, она знала точно – двадцать два.

– Нет, – Маша подкурила, выпустила дым к потолку. – Не страшно.

– Ладно тебе, не пугай девчонку. – Максим улыбнулся. Она смущенно отвернулась, а он подумал – каждый раз, да практически все лето, видит ее в этой одежде – бесформенной толстовке, синих джинсах с обвисшими коленками и черных кроссовках. – Много куришь ты, Маша. Худющая вон какая!

Встречная машина осветила фарами ее лицо – бледное, с острыми скулами и большими карими глазами, казавшимися в этих сгущающихся сумерках – черными.

– Худая я не от курения, – она повела плечом, – а от недоедания.

Ляпнула, не подумав, и тут же вспыхнула как спичка, покраснев до самых ушей.

– Серьезно? – он нахмурился, а она, смутившись, наигранно фыркнула от смеха.

– Нет. – Она мотнула головой, стараясь быть убедительной. – Неудачно пошутила.

Музыка стихла и в тишине они несколько секунд изучали друг друга. По его суровому взгляду синих глаз невозможно было понять, о чем он думает. Зато она смотрела и словно тонула в тумане. Красивый. Темноволосый. Короткий ежик волос торчит небрежно и хочется прикоснуться к нему подушечками пальцев. Губы, чуть полноватые плотно сжаты. Черная футболка липнет к сильным рукам и рельефному торсу, как вторая кожа. Спортсмен. Отличник. А она...

– Макс, так мы едем или нет? Как говорится, водка стынет, девки ждут!

Маша вздрогнула, торопливо отвела взгляд. Кажется, он усмехнулся.

– Я не пью. – Хмыкнув, сказал зачем-то Максим, обращаясь к ней. Она почувствовала себя неловко. Дверь с ее стороны открылась, и она выдохнула.

– Я смотрю, мое место занято? – Денис, его лучший друг и владелец черной девятки потянул Машу за рукав. – На выход, ребенок!

– Можно еще? – она кивнула на сигареты, выходя из машины.

– Бери, не жалко, – он пожал плечами, протянул ей пачку и, как показалось Маше, намеренно коснулся ее руки. Тонкой и холодной. Всего лишь доля секунды, но этого хватило, чтобы тело охватило пожарищем.

От его прикосновения она вздрогнула, на бледных щеках заиграл румянец.

– Бери, чего замерла?

– Спасибо.

Маша взяла несколько штук и послушно отошла от машины, мягко отодвинутая Денисом.

– Пока, Маша! – крикнул Илья с заднего сиденья, Денис усмехнулся, а Максим, смерив ее взглядом, завел автомобиль.

Она затянулась, вздрагивая от порыва ветра. Машина резво тронулась с места. Маша выдохнула дым.

– Девчонка, влюблена в тебя что ли? – спросил Илья.

Максим усмехнулся, бросая взгляд в зеркало заднего вида:

– Маленькая еще, чтобы любить.

Глава 2. Я не маленькая!

Она проводила взглядом уезжающую машину. Выбросила окурок на землю, поежилась от холода. Почувствовала, как по шее побежали мурашки от пронизывающего ветра, как свело пустой желудок от голода. Мысленно перенеслась домой – на кухне как всегда полно пьяных гостей – пьют водку, громко смеются, ругаются матом. Их смех тонет во всеобщем гоготе, силуэты еле различимы от терпкого табачного амбре, что густой пеленой обволакивает лица. Она переступит порог, посмотрит на чужие незнакомые пьяные лица, обязательно пробежит взглядом по столу, на котором из еды только остатки консервы, шмыгнет обиженно носом. Мать и отец даже не взглянут на нее. В пьяном дурмане они перестают быть родителями. Тогда она привычно пошарит у отца в кармане куртки – удача, если найдется хоть немного денег; стащит у него очередную сигарету, крепкую до тошноты, все же выкурит ее и отправится спать, закрыв дверь спальни на собственноручно прикрученный шпингалет.

Маша поморщила нос. Дома её никто не ждет, а значит, можно не торопиться. Она перешла дорогу, направилась в сторону одной единственной в округе девятиэтажке. Там, на шестом этаже, заводского семейного общежития, жила ее одноклассница и подруга Галина. Она точно находилась дома, потому что такой дом, как ее – никогда не спит, там всегда есть чем заняться. На одном этаже пьют пиво, в лестничных пролетах другого курят, еще через этаж играют на гитаре, а на последнем, аккуратно перед дверью на чердак обязательно кто-то целуется. А значит, Гали если и нет в отведенной ей с матерью комнате, то она точно находится на одном из девяти этажей.

– Видела своего Максика? – спросила Галя, расхаживая по лестничной площадке в новых замшевых туфлях на высоких каблуках.

– Да. – Маша запрыгнула на подоконник, сморщила нос от запаха, доносившегося от забитого мусоропровода за лестницей. – Не называй его так.

– А что? – Галя надула огромный розовый пузырь из жевательной резинки.

– Мне не нравится.

– Ладно, ладно, не дуйся только! – Галюня примирительно обняла Машу, сев рядом, поправила ей волосы, затем себе, убрав за ухо, выбившуюся из короткого хвостика прядь крашенных в черный цвет волос. – А мы со Славочкой в ссоре.

Галя старше Маши на год, несмотря на то, что учатся они в одной группе. Ей недавно исполнилось восемнадцать, и она уже спала со своим щуплым Славиком, смакуя с Машей подробности своей половой жизни. Маша слушала, молча, не перебивая и не переспрашивая. Как правило, после таких разговоров, она и сама представляла себя в объятиях принца, очень похожего на Максима.

– А что вы опять не поделили?

– Да я ему сюрприз пыталась сделать! – возмущенно сказала подруга, вытянув вперед свои длинные ноги в новых туфлях. – А он не оценил, вернее не успел.

– Как это?

– У меня же ключи от их квартиры есть.

– Я помню и что?

– Ну вот, я пришла, пока он был на учебе, а мать его на работе, накидала как дура в ванную лепестков роз, ты бы знала, как я долго выпрашивала их у армяшек на рынке, потом разделась и легла в воду.

– И он не оценил? – Маша засмеялась, посмотрела на свои растоптанные кроссовки – большой палец на правой ноге вот-вот должен был вылезти наружу, перевела взгляд на новые туфли подруги – классные.

– Не оценила его мамаша! – цокнула Галя, спрыгивая с подоконника. От пошарпанных и изрисованных черным маркером стен оттолкнулся звон ее каблучков.

– Что? – Машин смех разлетелся эхом по темному подъезду. – Вас застучала его мать?

– Ладно бы нас! Меня! Одну. Я думала, он раньше матери домой явится, но не тут-то было! Ты бы слышала как она орала, что я проститутка!

– Представляю.

– Не представляешь! Она и так-то меня не жаловала, а теперь ненавидит. Ну и Славик в итоге осла включил.

– Помиритесь еще!

– Надеюсь.

– Галя, быстро домой! – на весь этаж раздался голос ее матери.

Галюня ойкнула, подвернув ногу, затем взяла в рот новый пластик жвачки.

– Иду, мам! Просто тут Маша зашла на пять минут.

– Здравствуйте, тетя Оля! – крикнула Маша, спрыгивая с подоконника и подкуривая последнюю сигарету. – Иди, давай.

– Ладно, я домой, прибраться надо, а то мать не успевает, весь день салаты режет, завтра день рождения у нее, гости будут. – Галя спустилась на несколько ступенек вниз. – Пока!

Маша вышла на улицу. Ночь вступила в свои права, окутав унылые дворы мглой. Она ускорила шаг, свернув на тропинку между домов – так намного ближе. Дорожка постепенно сужалась, вела ее через гаражи, вдоль металлического забора детского сада, за которым уже виднелся Космический проспект – останется перейти дорогу, и она окажется во дворе собственного дома. Маша споткнулась о корягу, запрыгала на одной ноге – большой палец все-таки вылез из порванного кроссовка, заныл от боли. Она чертыхнулась и вдруг услышала звуки гитары, повернула голову – во дворе ближайшего дома кто-то сидел.

Она невольно улыбнулась, услышав знакомые аккорды – ДДТ, классика русского рока. Их песни она знала наизусть – отец часто играл эту музыку на гитаре. Маша невольно зажмурилась от удовольствия, от вновь нахлынувших воспоминаний: они с матерью любили подпевать отцу и это отлично у них получалось. Счастье. Казалось, это было только вчера...

– Котовас!

Маша, вздрогнула и открыла глаза.

– Ты чего здесь? Заблудилась? – Игорь, ее одноклассник, зашелся смехом. – Ну, иди к нам!

– Да я не...

– Или домой торопишься? – Игорь снова заржал. – Тебя все равно там никто не ждет, к тому же время еще детское. Идешь?

Бывший одноклассник был прав. Дома ее не ждут. А потому, она, выдохнув, кивнула:

– Иду.

В компании почти никто не обратил на нее внимания, лишь некоторые коротко кивнули, не прекращая пить и разговаривать.

– Пиво будешь? – Игорь толкнул Машу локтем в бок. – Садись, чего встала?!

Маша села на край скамейки, взяла протянутый ей стакан с алкоголем.

– Привет. – Руслан, парень, что выпустился год назад из ее школы, прекратил играть на гитаре и протянул ей руку. – Давно пора тебе, Котовас, приобщаться ко взрослой жизни. – Он улыбнулся, встряхнул копной светлых волос, отросших уже почти до плеч.

– Классно играешь, – Маша улыбнулась и немного расслабилась, пожала руки еще трем парням: Лёне – ее бывшему однокласснику, высокому и худому как палка, Матвеем и Саше – ребятам из училища, бывшим одноклассникам Руслана.

– Котовас, подпевать будешь? – спросил прыщавый Матвей, низкорослый и толстый.

Маша кивнула.

– Уважаю. – Игорь чокнулся с ее стаканом бутылкой пива и жадно пригубил, пролив несколько капель себе на джинсы, как всегда новые и модные. Он сын обеспеченных родителей и самый популярный мальчик в округе. А еще он ЕГО родной младший брат.

– Подпевай, раз обещала! – крикнул Матвей и все в голос запели: – Сигарета мелькает во тьме...

Маша затаилась сигаретой, поморщилась, выдыхая дым. Крепкие, даже хуже чем у отца.

– ...Ты со мною забудь обо всем ...

Она сделала глоток пива. Теперь в унисон Руслану подыгрывал на гитаре и Саша – худой, костлявый парень, черноволосый, чернобровый, смуглый как цыган, никак не тянущий на юношу.

– Портвейн будешь? – Игорь улыбнулся кривой улыбкой, больше похожей на усмешку.

Маша кивнула, подумав, что осуждает родителей за пьянство, а сама сейчас делает то же самое. Стало противно, но на душе и без того скребли кошки и потому, она мотнув головой, взяла протянутый стакан. Леня снова усмехнулся, странно на нее посмотрел, с озорным блеском в глазах, от которого стало не по себе. Но Маша мотнула головой, отгоняя неприятные предчувствия.

Портвейн обжег горло, она зажмурилась, а потом обмерла, да так, что не пошевелиться.

– Пьете, хулиганье? – Денис шел к ним, играя пальцами с брелоком от машины. – О, и девочки с вами? – присвистнул он и вышел под свет фонаря.

– Девчонка. Одна. – Поправил его Игорь. – А вам то, что здесь надо?

– Малой, ты следи за словами! – он сел на лавочку напротив Маши. – Костер бы хоть развели, дубак на улице!

– Ага, чтоб нас опять приняли! – засмеялся Руслан, убирая с колен гитару.

– Да вас к утру и так примут.

Стук...стук...стук... сердце тише!

Маша обернулась: и действительно, Максим шел к ним по тротуару – в черном спортивном костюме, походка медленная и уверенная.

– Ты как барин. – Заржал кто-то, а Маша сделала вздох и выпила залпом остаток портвейна.

– Я же не быдло. – Усмехнулся он и сел рядом с Денисом, вытеснив толстого Матвея. – Да, братец?

Вопрос адресован Игорю, а глаза синие, точно море, смотрят прямо на нее – сурово с пробирающим до костей холодом. Маша никогда не видела моря, но была уверена, что море оно именно такое – синее, бездонное, завораживающее.

– Котовас, ты чего? – Игорь снова толкнул ее локтем в бок. – Оглохла что ли? Тебя спрашивают!

– А? – Маша тряхнула головой. – Что?

– Котовас? – Максим нахмурился, улыбнулся. – Почему Котовас?

– Фамилия.

– Твоя фамилия?

– Ну да.

– Ну да, – он передразнил ее без злости, улыбаясь, и взгляд его стал мягче. – Я спрашивал тебя, Маша, что ты забыла здесь, поздней ночью среди этих лопухов? Смотри, они ненадежные.

– Я бы даже сказал опасные! – прыснул со смехом Леня.

– Да я так, ненадолго. – Маша сжалась от его взгляда.

– Так, мимо пробежала. – Заржал Матвей. – И вообще, кто тебе сказал, что ненадолго?

– Я сказала! – Маша встала, выбросила пустой стакан в урну. – Ладно, мне пора.

– Дома заждались? – спросил Максим.

– Да.

– Не ври! – скорчился Игорь. – Никто тебя там не ждет, что мы, не знаем что ли!

Маша растеряно заморгала ресницами, чувствуя на себе тяжелый взгляд Максима и жуткую, обжигающую лицо неловкость. Надо же, как тяжело может быть не физически, а душевно.

– Темно уже одной ходить. И поздно. Пару песен и я провожу тебя до дома.

– Ого, что за честь! – прыснул Игорь, но под тяжелым взглядом старшего брата, замолчал, но смеяться не перестал, впрочем, как и остальные.

Прежде чем ответить, Маша взглянула на Максима, смущенно покраснела, опустилась обратно на скамейку.

– Хорошо. Спасибо.

– Давай, играй, чего сидишь. – Сказал Максим, посмотрев на Руслана, и неожиданно подмигнул ей.

Руслан взял гитару, и полилась музыка. Чистый кайф, подумала Маша, чувствуя, как поднимается настроение. Пришел Максим и легкий трепет заполнил все внутри – каждую клеточку, каждый миллиметр ее тела.

Маша закачалась из стороны в сторону, довольно улыбаясь, когда все запели. Все, кроме нее и Макса. Звонят голоса, а Маша смотрит на него и не может отвести глаз. Он курит и периодически ловит ее взгляды.

– Дай-ка мне. – Сказал он вдруг, и взял у Руслана гитару. – Маша, что будем петь?

Она обмерла от неожиданности, пожала плечами. Хочется нежного, чтобы он и только для нее.

– Может быть «Дыхание»?

– Наутилус?

– Да.

– Можно. – Он улыбнулся, пару раз ударил пальцами по струнам и начал играть.

Восторг! Это почти счастье. Вот так просто, и ты в облаках...

Он запел и на куплете вновь посмотрел на нее. Горячая волна хлынула по телу. Посмотрел? Или показалось? Может это ее разыгравшееся воображение?..

Маша заерзала на месте. Не показалось – смотрел! Следующий куплет она запела вместе с ним. Какой у него голос шикарный! Она и не догадывалась об этом, а глаза синие-синие, губы...

– Котовас, ты сейчас задохнешься! – заржал сидевший рядом Игорь. – Ты близко к сердцу воспринимаешь слова этой песни.

Все засмеялись, а Максим оборвал взятый аккорд и во внезапно повисшей тишине, громко сказал:

– Идем.

Маша поднялась, слегка пошатнулась, выпитое спиртное все-таки сказалось.

– Куда идем? – она догнала его уже у дороги.

– Как куда? – он усмехнулся. – Домой! Спать тебе пора.

– Хорошо. – Она покорно кивнула, немного расстроившись. Да и на что она надеялась, глупая? Что Максим, этот уже взрослый и красивый парень, будет гулять с ней, с грязнулей малолеткой, под луной? Так не бывает.

Маша окинула себя взглядом, китайские кроссовки совсем развалились, большой палец некрасиво выпирал, джинсы тоже – ни к черту. На голове, наверное, волосы торчат. Она ведь даже в зеркало сегодня не смотрелась, да еще и пьяная. Позор – то, какой! Маша грустно засмеялась себе под нос, представив, как она смотрится со стороны. Он обернулся, удивленно окинул ее взглядом, она сжала губы. Смеется, а что еще остается делать?

Шли молча. Он впереди, она следом – по дорожке среди деревьев, через двор и детскую площадку одинаковых с виду красных хрущевок, через дорогу, тускло освещенную фонарями, вдоль проспекта, пока, наконец, не свернули на автобусную остановку, на которой она сегодня

сидела. Максим остановился у киоска, кивнул на ее дом, спросил, нарушив, наконец, долгое молчание:

– Ты же там живешь?

Он повернулся к ней, и придорожный фонарь осветил его лицо – темные брови сдвинуты к переносице – хмурится, глаза блестят и кажутся сейчас не синими, а черными, как ночь за его спиной, губы сжаты, но все равно красивые, как и весь он.

– Чего молчишь, Маша?

Маша...не Котовас. Пожалуй, он один из немногих кто называет ее по имени.

– Извини.

Она кинула него взгляд, опустила голову. Он высокий, выше нее почти на две головы. А ведь и она не маленькая, самая высокая в группе – метр семьдесят четыре.

– Да, там мой дом виднеется.

– Ну, все иди домой. Мне тоже пора.

Он еще раз внимательно посмотрел на нее и, обойдя, пошел обратно. Уже, поравнявшись с остановкой, обернулся:

– Домой иди, чего стоишь?

– Спасибо! – крикнула Маша и зашагала к подъезду на ватных, дрожащих от волнения ногах. Он, парень из ее наивных мечтаний, проводил ее домой! Он, спортсмен и отличник, по которому сохнут все студентки, проводил ЕЁ!

Дома, как и ожидалось – гости. Терпеть их общество – невозможно, а потому, она быстро, стараясь, чтобы ее не заметили, прошмыгнула мимо кухни, на которой отец с кем-то громко спорил, закрыла дверь в свою комнату и, забравшись под одеяло, закрыла глаза.

Тело бил озноб. Она снова и снова прокручивала в голове этот вечер. Его взгляд – мурашки по телу, голос – ноги немеют. Жарко...

Она скинула одеяло, стянула с себя кофту и джинсы, снова упала на кровать. Его губы – он что-то говорил ей, а она не могла отвести взгляд от его губ. Какой же он красивый! И как от него головокружительно пахнет – она жадно улавливала аромат его одеколона, семенив следом.

Глава 3. Небесный голубой

Анна Ильинична закончила плановый обход пациентов, и сейчас, усевшись на белоснежный диван сестринской, внимательно смотрела на свои дрожащие руки. Ей еще нет сорока, а руки, как у столетней бабки – морщинистые и желтые.

Конечно, потаскай столько уток – хмыкнула она и посмотрела на неплотно закрытую дверь. Внутри вновь накатывала волна непонимания и злости на весь мир – за что ей такая жизнь? Ни минуты покоя.

Она со вздохом встала, закрыла дверь, подошла к шкафчику. Медицинский спирт – сейчас, пожалуй, единственное, что ей действительно интересно. Плеснула в прозрачную колбу, добавила в нее же воды из-под крана, размешала. Содержимое пошло едва заметными кругами. Женщина удовлетворенно вздохнула. Поднесла к губам, уловила свое отражение в зеркало на двери открытого шкафчика – свежее и румяное когда-то лицо сейчас было отвратительно опухшим: щелки вместо глаз и огромная картофелина, вместо носа. И за что Мишка ее еще любит? Она снова хмыкнула и на одном дыхании выпила всю жидкость.

– Анна Ильинична?

Женщина вздрогнула от неожиданности, стеклянная тара вылетела из рук.словно изда- лека послышался звон битого стекла, запахло спиртом.

– Ой, извините.

Анна обернулась – в дверях стояла молодая рыжеволосая Оксана, новенькая медицин- ская сестра.

– Что ты влетаешь, как бешеная?! – крикнула Анна и кивнула на осколки. – Убирай теперь!

– Анна Ильинична, извините. – Девчонка схватила швабру, нагнулась над осколками. – Я только хотела спросить про раствор.

– Спокойней надо быть. – Она, пошатнувшись, переступила через швабру, села на диван. – Орешь, как буйная! Так всех пациентов на уши поставишь.

– Я же уже извинилась! – Оксана повысила тон, оборачиваясь к Анне.

– А мне что? – отозвалась та и почувствовала комок горечи в горле. Этот ужасный при- вкус мог заглушить только никотин. Захотелось курить. – Убирай стекло и сама убирайся! Мне еще дежурить всю ночь! Никакого отдыха.

– А что вы раскомандовались вдруг? – прошипела медсестра. – Вы забыли, что вы тоже медицинская сестра, а не врач, как когда-то давно?!

Анна с нескрываемым отвращением посмотрела на нее, а та уже бросила осколки обратно на пол и поднялась на ноги.

– Оксана, что ты себе позволяешь?

– Это вы что себе позволяете? Мало того, что пьете постоянно на рабочем месте, так еще и работу свою не выполняете! Абрамову из третьей палаты раствор внутривенно нужно было ввести еще час назад. Это должны были сделать вы, а заниматься приходится мне! Почему?

– Замолчи! – Анну затрясло, она сжала кулаки и прошептала сквозь зубы: – Да ты мне в дочери годишься, не смей так со мной разговаривать!

– Знаю я про вашу дочь, тоже мне мать нашлась! – Оксана нагло хмыкнула. – Брошенный никому не нужный подросток. Она у вас и пьет и курит, шастает по ночам. Конечно, есть с кого пример брать!

– Заткнись!

– А то что? Пожалуетесь на меня заведующему отделением? Да, пожалуйста! А может я вообще, первая это сделаю! – Оксана вылетела из комнаты, громко хлопнув дверью.

Анна, поддавшись порыву, бросилась следом, но остановившись посреди темного коридора, облокотилась о стену и медленно сползла на пол. Хотелось рыдать, но слез не было. Она закрыла глаза, а в ушах вдруг треск ламп сменился голосом дочери:

– Мам, до первого сентября месяц остался... К учебе будем готовиться?

Анна открыла глаза: пред глазами круги, темный и без того коридор погрузился во тьму.

– Будем, дочка, будем, – тихо прошептала она, вспоминая утренний разговор с дочерью...

... Анна вошла на кухню, поправляя на голове бигуди, муж и дочь уже сидели за столом.

– Чего ты так рано встала? – спросила она у дочери, присаживаясь за стол.

– Чай налить? – вместо ответа спросила Маша и уже потянулась к чайнику.

На кухне прибрано, но она точно помнила – ночью весь стол был заставлен грязной посудой. Анна обернулась и, как и предполагала у двери увидела несколько мусорных пакетов, забитых до верха. Дочь прибралась.

– Ты вчера во сколько пришла?

– В полночь. – Ответила Маша, поставив перед матерью кружку с чаем.

– Ясно. – Анна сделала глоток, задумалась, опустив голову.

Маша взяла с тарелки печенье, поскребла тонким пальцем край слегка облупившегося блюда, сказала:

– Треснутую посуду нельзя держать в доме.

– А то что? – мать усмехнулась, вырванная из размышлений.

Маша пожала плечами:

– Жизнь будет с трещиной.

– Она и так с трещинами. – Сказал отец, перелистывая газету. – Вон, что в мире творится!

Грубоватый от многолетнего курения смех матери заполнил пространство. Маша улыбнулась, окидывая взглядом мать: еще не старая, но от былой красоты мало чего осталось. А с фотографий, висевших на стене коридора – мать смотрела на нее молодой и красивой, блондинкой с большими зелеными глазами и курносый носом. Да и сейчас глаза матери были все такими же зелеными, но не яркими, как сочная молодая зелень, а тусклыми, как осенние листья, с темными припухшими кругами, почему-то никогда не исчезающими, даже в те редкие, теперь уже, дни, когда мать не пила.

– Скоро сентябрь. – Сказала Маша. – Надо бы к училищу подготовиться.

– Да, кстати, – вновь подал голос отец и посмотрел на время, дрожащими с похмелья руками отложил газету на край стола. – Мне на работу пора. До вечера.

Он поднялся, отодвинув от себя недопитый крепкий чай, потрепал Машу по волосам, прикоснулся пальцами к плечу Анны и вышел в коридор. Через несколько минут входная дверь со скрипом закрылась. В повисшей тишине слышно, как тикают, висящие над столом круглые желтого цвета часы, как мать делает глотки чая.

– Так что с учебой? – спросила Маша, представив себя в черном сарафане, в котором появлялась на первое сентября последние два года. – Сарафан мне мал.

– Я знаю, дочка, – ответила Анна и посмотрела на нее долгим взглядом. – Все купим, но позже.

– Хорошо.

– Чем будешь сегодня заниматься?

Мать снимала с волос бигуди и складывала их по одной на стол.

– К Гале пойду, она попросила с ней на почту сходить. Ей посылку тетка из Германии прислала.

– Сходите. – Мать кивнула, взъерошила пальцами волнистые короткие волосы. – Опять шмотки?

– Скорее всего. – Маша пожала плечами, жалея о том, что у нее нет такой родственницы.

– Буржуи! – мать дернула плечом, закурила.

– Ма, ты опаздываешь.
– Нет, нормально. – Обе посмотрели на стрелки часов, сквозь сигаретный дым, поднимающийся к потолку.
– Мам? – Маша попыталась заглянуть матери в глаза.
– Что?
– Зачем ты пьешь?
– Ой, Машка, хватит! – отмахнулась та и подошла к окну, открывая форточку.
– Когда-то мы были счастливы.
– Все проходит, – отозвалась мать. – Счастье – это всего лишь миг. Счастье скоротечно, как и сама жизнь. Все когда-нибудь заканчивается. И жизнь тоже.
– Что ты такое говоришь? – Маша бросила на стол недоеденное галетное печенье. – Все зависит от нас самих.
– Взрослеешь. Выглядишь старше.
– Знаю.
– Извини, – мать обернулась, в глазах блеснули слезы, но Маша уже вышла с кухни.

– ...Анна Ильинична? – позвала Оксана и потрясла женщину за плечо. – Вам плохо?
– Помоги мне. – Попросила дежурная сестра, и они вместе подняли Анну на ноги. – Дверь открой.
– А что с ней?
– Все хорошо. – Анна мотнула головой, открывая глаза. Из темноты появились два женских лица. – Сейчас... Будет лучше.
– Таблетки она принимала? – спросила женщина.
– Какие таблетки? – растерялась Оксана. – Я не знаю.
Но женщина лишь махнула на нее рукой и побежала по коридору. Уже позже Оксана узнала, что Анна неизлечимо больна.

На почте как обычно было шумно, словно и не будний день вовсе. Пока Галина отстояла очередь за получением посылки, Маша залипала на витрину. Яркие обложки книг, журналы – она бы с радостью что-нибудь почитала – дома только пособия по медицине. Врачом может надо было стать? И так всю теорию с детства знает.

Галя окликнула ее, с усмешкой в глазах кивнула на огромную коробку, которую и вдвоем не утащить. Маша восхищенно присвистнула, завистливо поджала губы.

Подруга устроила дома настоящее дефиле. Придирчиво рассматривала каждую новую вещь, морщила нос, выпрагивала по комнате и следила за реакцией Маши. Марии все нравилось. Галя фыркала, спорила, и каждая третья вещь небрежно летела в сторону двери. Маша молчала. Не ее подарки. Она бы ничего не выкинула.

Галина со свистом вынула из коробки очередной пакет, в котором лежало что-то вязаное, красивого небесного цвета, Маша невольно вытянула шею, заглядывая.

– Класс! – Галя тряхнула длинными черными волосами, подбежала к зеркалу, приложила к себе свитер. – Блин, мне не идет голубой! – Она возмущенно надула губы. – Почему он не красный к примеру?

Свитер ненужным комком упал на диван, аккуратно около Маши, а сама Галя уже потеряв к нему всякий интерес, примеряла черную юбку. Маша взяла свитер, мягкий и красивый, приложила к себе, посмотрела в зеркало. Красивый. И ей очень идет. Освежает. Но о такой вещи оставалось только мечтать, а попросить – неудобно.

Маша остановилась у киоска, вытряхнула из кармана всю мелочь.

– Семечки. Вот, эти.

Она ткнула пальцем в стекло витрины на красную пачку.

– Не бросила еще курить?

Маша вздрогнула. Обернулась. Максим стоял, опираясь спиной о киоск.

– Привет. – Она отвернулась, чувствуя, как запылали щеки. Надо же, заговорил с ней первым...

– Ясно. – Он сделал шаг и слегка отодвинул ее от окошка. – Колу, пожалуйста.

– Нет, не бросила. Зачем?

Маша сделала шаг назад, быстро поправила хвост на голове, облизнула губы. Максим обернулся, хмыкнул:

– Затем что курить вредно! Не вырастешь.

– А я, по-твоему, еще не выросла?

Он усмехнулся, окидывая ее взглядом.

– Ну да, что это я. Рост у тебя приличный – кобылка добрая.

Маша выгнула одну бровь, не переставая улыбаться. Он насмешливо спросил, засунув руки в карманы джинсов:

– Гуляешь?

– Гуляю.

– А чего одна?

– А с кем еще? – она дернула плечом, снова осмелилась посмотреть на него – кайф.

– Подружки где твои? – он взял в рот пластик жвачки. – Постоянно одна.

– Они дома, – соврала Маша, кроме как с Галькой больше ни с кем не дружившая.

– Странная ты, Маша. – Он перестал улыбаться. Глаза серьезные, рассматривает как экспонат в музее, и она горит от этого, покрываясь пунцовой краской.

– Нет, ты просто меня не знаешь. – Она мотнула головой, отворачиваясь, облизнула губы, продолжая от смешанного чувства неловкости и стеснения, чертить носом кроссовка круги на пыльной дороге.

Максим хмыкнул, но продолжил стоять рядом с ней, к машине, что стояла у дороги с открытой дверью, идти не торопился. Маша поджала большой палец на ноге, дырка на кроссовке сияла черной дырой. Стыдно-то как...

Максим молчал, а она не знала о чем с ним говорить. Ему то что – стоит, рассматривает, а она горит от стыда и неловкости, полыхает от стеснения и дрожит от удовольствия. Ей нравится, когда он смотрит на нее. Смотри, Макс, смотри и не уходи никуда.

– Ой, девочки, смотрите наша серая мышка здесь!

Маша вздрогнула. Обернулась – Надька со своей свитой плыла прямо на них.

– Привет, Макс. – Пропела она, окидывая, Машу презрительным взглядом. Ее подружки тот час засмеялись, словно услышали шутку века.

– Привет. – Максим подкурил. Смотрит опять на нее и в глазах – сочувствие?

Маша усмехнулась, отводя взгляд. Сбежать бы, да ноги налились свинцовой тяжестью. Словно она как загнанный зверь. Насмешки, унижения. Да чем она хуже них?

– Котовас! – Надя приблизила к ней свое лицо. Приторный аромат духов. Мятная жвачка. Помада красная. – Так и будешь стоять здесь?

Маша затравлено посмотрела на довольную четверку.

– Вали отсюда! Тупая что ли?!

– Когда надо, тогда и пойду. – Маша почувствовала, как к горлу подступил ком отчаяния и ненависти, сжал горло, мешая дышать.

Надежда и ее подружки были ниже Маши ростом, но вели себя так нагло и уверенно, что она ощущала себя среди них соринкой, а потому она машинально сторбилась, чтобы казаться ниже, в ушах зазвенел голос одноклассников – длинная палка, ты Машка, оглобля!

– Так, девочки, хватит! – сказал Максим и встал между ними. – Нам пора, Надя, поехали.

Надька победоносно сверкнула глазами, жирно обведенными серебристым карандашом, по-королевски вышагивая, направилась к машине, три ее подружки побежали следом. Так вот кого он ждал. И она здесь не причем, и разговор этот...

Машина Макса рванула по Космическому проспекту, а Маша обессилено села на лавку внутри автобусной остановки и, чувствуя невыносимую горечь стыда, сжалась от ветра. И даже начавшийся ливень не поднял ее с места и не отправил домой. Она все сидела и раз за разом прокручивала в голове слова Нади, ее насмешливый взгляд, и пусть она привыкла к подобному, но то, что это видел Максим – угнетало. Стыд и позор, в очередной раз подумала она и натянула рукава нового свитера на замерзшие пальцы. Мягкость и нежность пряжи согревала, а небесный голубой цвет радовал. Хоть какое-то-то яркое и чистое пятно в ее жизни.

Глава 4. А она любит дождь

Спустя час машина Максима остановилась у шиномонтажки. Он пробежал по лужам внутри, на бегу здороваясь с рыжеволосым работником.

– Клиенты были? – Максим бросил ключи на столик, вновь обратился к Рыжему: – Дождь закончится, заднее колесо у меня на машине подкачаем. Денис здесь?

– Макс, давай по порядку. – Рыжий вытер мокрые руки о полотенце, смахнул с лица невидимый волос, сморщил конопатый нос. – Денис здесь. Клиентов не было – льет как из ведра!

– Да-а уж, – протянул Макс, протягивая руку Денису, появившемуся из служебного помещения. – Лето, прощай!

Он по-хозяйски окинул взглядом полки с инструментом, отодвинул ногой от прохода домкрат.

– Как там молодежь? – спросил Рыжий, которого звали Колей, открыл дверь и, встав на пороге, закурил.

– Нормально. Веселятся. – Максим встал рядом. – Бывших одноклассниц и одноклассниц брата по училищу отвез к нам домой, напьются все.

Максим нахмурился – через дорогу на скамейке в остановке сидела одинокая фигура, сливающаяся в густых сумерках с темными афишами за ее спиной, лишь черные ромбы хорошо виднелись на светлом фоне свитера.

– Вот, дуреха, так и сидит там!

– Девчонка эта? – отозвался Коля, кивнув в сторону Маши. – Это Машка из той пятиэтажки на углу. Моя бабка живет с ней в одном подъезде.

– Такая оборванка. – Денис встал рядом, сморщил нос. – Вроде не маленькая уже, а за собой не следит. Сколько ей?

– Она с моим Игорем учится.

– Серьезно? – Денис нахмурился. – Выглядит старше. Ноги такие длинные, вроде и симпатичная, но...

– Да, кстати. – Максим нахмурился, не сводя взгляда с одинокой фигуры в голубом свитере. – Высокая, может поэтому.

– Да кого там! – усмехнулся рыжеволосый Коля. – Они неблагополучные, какая уж тут забота. Жрать нечего, а ты о красоте. Предки бухают по черному, а она сама по себе. Лет с десяти, наверное, сама себе предоставлена. Тут хочешь, не хочешь, а повзрослеешь, вот и выглядит старше.

Максим нахмурился, не отрывая глаз от фигуры на остановке.

– Весь их класс сейчас у нас дома громит квартиру, отмечая день рождения Игоря, а ее даже не позвали. Игорь вроде общается с ней.

– Игорь то общается, а девчонки – нет. Она всегда одна. – Рыжий Коля выкинул сигарету. Одна из луж пошла кругами. – Алкоголики. Не дом, а проходной двор. Веселье.

Он покосился на друзей. Денис нахмурился, Макс не сводил взгляда с одинокой девичьей фигуры.

– Ну это моя бабуля говорит – веселятся почти каждую ночь. Музыка, крики, смех. Вот кому живется в радость – ни проблем, ни забот. Выпил, закусил и так по кругу. А Машка... Хорошо еще, что она сама по себе, а не в смутной компании, а то бы, знаешь, уже давно по рукам пошла. Алкоголь опять же, наркотики.

– Ну, ты развел дискуссию. – Прыснул от смеха Денис, ударил Рыжего по спине. – На психолога учишься?

– Нет. – Коля нахмурился. – На сварщика.

Максим усмехнулся, шелкнул суставами на пальцах.

– И что, родители прям сильно пьют?

Рыжий кивнул.

– Бабка моя говорила как-то, что мать Машкина больна чем-то неизлечимым. Опустила руки и бухает теперь. – Коля мотнул головой. – Ну, знаешь, бабушки же всегда в курсе всего.

– А отец?

– И Мишка тоже пьет. – Рыжий уловил заинтересованный взгляд Максима и продолжил: – Я с дядей Мишей знаком, они с моим отцом раньше вместе работали, пару раз даже в гостях у нас были, когда не пили еще. Он на гитаре классно играет.

Коля с восторгом закачал головой, вспоминая:

– И поет отлично.

– Ясно. – Максим снова шелкнул пальцами, добавил немного погоды: – Симпатичная она. Девчонки видят это и бесятся. И рост модельный, не то, что эти пигалицы. Вез их сейчас к нам домой, так они мне чуть машину не разнесли. Мелкие, а разговоры уже взрослые.

Макс поморщился, вглядываясь в темноту, снова сказал тихо:

– Симпатичная мордашка и не испорченная вроде.

– Нормальная, – подхватил Коля. – Глаза красивые и губы. И ноги от ушей. Повзрослеет, точно красавица будет.

Денис нахмурился, ударил друга по плечу, сказал, усмехаясь:

– Макс, ты чего?

– А что?

– Заелся ты братец! Вокруг тебя столько девчонок! Одни студентки твоего техникума чего стоят! А ты на малолетку эту смотришь!

Денис и Коля переглянулись.

– А что посмотреть нельзя? Симпатичная.

– Так мелкая же! Оно тебе надо?

Максим усмехнулся, смерил его насмешливым взглядом и вышел в дождь.

Маша увидела, как Максим вышел из шиномонтажа и направился в ее сторону. Тело охватила дрожь. Она хотела встать и бежать прямо по лужам, но заметив его взгляд, осталась сидеть. Ноги снова онемели, а сердце учащенно забилося.

– Маша! – Позвал он ее, сворачивая к киоску.

Она подняла глаза, улыбнулась.

– Шоколадку будешь?

– Буду.

– Буду, – передразнил он, улыбнувшись.

Крупные капли дождя падали ему на волосы, отчего те слегка завивались. Синие джинсы и серый свитер были уже влажными.

– Держи. – Он шагнул под козырек остановки, протянул ей сникерс, сел рядом, поставил между ними упаковку сока.

– Спасибо.

– На здоровье. – Он по-доброму усмехнулся. – Ну и как, интересно тебе здесь?

– Нормально.

– Лучше чем дома?

Их взгляды встретились – ее удивленный растерянный и его серьезный и внимательный.

– Ладно, жуй, давай. – Мягко сказал он, кивнув на шоколад в ее тонких пальцах. – У Игоря сегодня день рождения, все одноклассники там, а ты чего?

Маша пожала плечами:

– Меня никто не звал.

– Вы же вроде общаетесь?

– Иногда. – Маша засунула последний кусок шоколадки в рот, зашуршала оберткой. – Я не думаю, что девочкам понравилось бы мое общество. Ты же сам все видел и слышал.

– Не обращай на них внимания. – Прозвучало мягко, почти ласково, несмотря на его слегка хрипловатый голос. – Переростки! Что Игорь, что девки эти.

– А я подумала они с тобой.

Максим усмехнулся, а Маша снова прокляла себя, за то, что сморозила эту глупость. И все-таки прав отец, молчание – золото!

– Думаешь обо мне что ли? – он слегка толкнул ее в бок. Маша, молча, улыбнулась. – Маленькие они еще, чтобы ходить со мной.

– Сам говоришь, что выглядят старше и ...

– А лет то сколько? – перебил он ее, сделал глоток сока. – Я уже взрослый парень, зачем мне это? У меня девушки постарше и поумней есть.

Он засмеялся, и Маша подумала, что смех у него такой же приятный, как и голос. И запах. Легкий аромат одеколона исходил от его одежды, и она осторожно вдыхала его, дыша часто-часто. Но вот упоминание о девушках вызвало в груди жжение. Что это? Ревность? Надо же – какое неприятное чувство.

– Поздно уже. – Максим повернулся к ней. – Проводить?

Она обмерла. Руки, ноги немеют, а в груди клоочет от возбуждения.

– Если хочешь. – Она откашлялась. Голос совсем сел. То ли замерзла, то ли причина он.

Город уже во власти ночной мглы, дождь заканчивается, легкий ветер приятно холодит полыхающее от восторга лицо.

– Пойдем. – Сказал он, поднимаясь и протягивая ладонь – слегка коснулся ее пальцами, но тут же убрал руку, словно обжигаясь, и пошел вперед.

Она идет следом и с восторгом смотрит на его коротко стриженный затылок, на широкие плечи, на... Маша нахмурилась. В окнах ее квартиры не горел свет, а значит, родителей до сих пор нет дома.

– Что-то случилось? – спросил Максим, оборачиваясь. Она остановилась и изменилась в лице. Тревога залегла в вечно удивленных этому миру глазах.

Маша мотнула головой.

– Просто дома света нет, видимо, родители где-то задержались, хотя странно, обычно они по вечерам дома.

– Может, и задержались где. – Произнес он нарочито бодро. – Одиночества ты, как я видел, не боишься. Так неужели, боишься темноты?

– Нет. – Маша улыбнулась, сделала несколько шагов, но тут же всхлипнула, прикрыв рот – у ее подъезда стояли взволнованные соседи.

– Мама? – Маша бросилась к толпе, упала на колени, прямо на асфальт у лежащей неподвижно женщины.

Максим остановился. Высокий мужчина, ростом чуть выше него, пьяно оттолкнул его, склонился над Машей, сказал хрипло:

– Дочка, все хорошо.

– Пап! Что с мамой?

Она прижалась к отцу, тот обвил ее худое тело руками, но она тут же попыталась вырваться.

– Что с ней? Подними же ее, асфальт мокрый, она замерзнет!

– Скорую вызвали? – спросил Максим у собравшихся зевак, в ответ кивнули. – А что случилось?

Он посмотрел на лежащую на земле женщину, отдаленно напоминавшую Машу. По стону и легкому движению руки, понял – жива, и облегченно выдохнул.

– Приступ случился. – Пробормотал кто-то позади. – Упала, когда шла и не может подняться, сломала, видимо, что-то.

– Да просто пьяная. – Сказал кто-то другой и Макс недовольно нахмурился. Маша уже плакала на груди у высокого мужчины. Отец.

– Тише, Маша. – Тот прижал голову дочери к своей груди, глаза его заблестели испугом, словно до него только сейчас дошло происходящее.

Свет фар осветил собравшихся. Карета скорой помощи остановилась у подъезда.

– Машенька, побудь дома, я скоро приеду. – Сказал мужчина и подтолкнул ее к подъезду.

– Нет, я с тобой и с мамой!

– Нет, тебе лучше остаться дома.

Отец уже направился к машине скорой помощи, Маша рванула следом. Максим перехватил ее, сжал крепко за руку, обратился к её отцу:

– Я присмотрю за ней.

Мужчина кинул на него удивленный взгляд, немного помедлил, но все-таки кивнул и больше не оборачиваясь, сел в машину неотложки.

– Пап!

Маша попыталась вырваться, но Максим крепко обхватил ее и вновь с силой прижал к себе. Она сникла. Дрожит. Такая легкая и невесомая. В чем только жизнь теплится...

– Все будет хорошо, слышишь? – Максим взял ее за подбородок, заставил посмотреть на него. – Не плачь, все наладится.

Она вновь заплакала, уперлась руками в его грудь, но он сжал ее еще крепче. Только когда машина скорой помощи выехала со двора, она замолчала. Ее плечи опустились, голова устало упала ему на грудь.

Он прикоснулся ладонью к ее волосам, осторожно погладил по голове. Она отстранилась – сейчас это было необходимо, а несколько часов назад, она и подумать не могла, что сможет ощутить тепло его тела и ни за что бы на свете не разжала своих рук, обнимающих его за крепкую спину; села на влажную от дождя лавочку, он сел рядом, закурил. Она зажмурилась, слушая собственный стук сердца. Сейчас она желала лишь одного, чтобы все происходящее оказалось жутким сном, а холодный липкий пот, медленно покрывающий ее спину, не добрался до ее души.

Соседи расходились, жадно обсуждая семью Котовас, а Маша и Максим сидели и молчали, пока, наконец, она не сказала:

– Я домой. Спасибо тебе. И извини.

– Не извиняйся. – Максим поднялся. – Если хочешь, я пойду с тобой, пока не вернется твой отец.

– Нет, не надо. – Она выкинула руку вперед, останавливая его. Смущенно облизнула губы. Дома такой хаос. Ему не стоит этого видеть. Хватит с него и ее внешнего вида...

Он с сомнением окинул ее взглядом, закусил, пожевывая нижнюю губу.

– Правда, все хорошо. – Она выдавила из себя подобие улыбки. – Я просто хочу остаться одна. Заберусь в постель – замерзла, и буду ждать родителей.

– Хорошо. – Он кивнул на двери подъезда. – Иди тогда, я подожду, пока ты не зайдешь. – Он посмотрел на окна их квартиры, снова на нее.

– Спасибо. – Прошептала она и вбежала в темный подъезд.

Через минуту в окне на втором этаже загорелся желтый свет. Максим выкинул сигарету в урну, посмотрел на грязные окна с серыми занавесками. Вспомнил Машиного отца – красное опухшее от пьянства лицо, стойкий запах перегара, выцветшие глаза. И мать, на лице которой алкоголь оставил свои отпечатки. Все-таки, пьющую женщину видно сразу, подумал он и вновь неодобрительно покачал головой.

Глава 5. Снова одна

Маша лежала и смотрела в потолок – серый с желтыми разводами. Хотелось думать о Максиме, возможно даже мечтать о чем-то запретном и неизведанном, но очень приятном, теплой волной разливающимся по телу, но она не могла себе этого позволить. В голове крутились мысли о матери и отце. Что же случилось с ними всего за несколько последних лет? Неужели ничего уже не вернуть и не исправить?..

Сейчас она все чаще вспоминала свой светлый и теплый дом, которым когда-то была их квартира, уютную кухню, на которой мама всегда что-то готовила; отца, заботливо проверяющего ее уроки. А потом все изменилось, словно погрузившись во мрак. Мама перестала улыбаться и пропадала на работе сутками, отец стал задерживаться и приходил уже темной ночью. Их кухня, когда-то теплая и уютная, превратилась в серую комнату со старым столом и такими же стульями, занавески с окна исчезли, а клеенчатая скатерть, когда-то менявшаяся на новую каждый месяц, казалось, приросла к столу, потеряв былой цвет, и теперь слепила тонкими порезами от ножа.

Отец вернулся только к утру. Быстрыми тяжелыми шагами прошел в свою комнату и тут же захлопнул за собой дверь. Маша села на кровати, сжала в руках розового плюшевого зайца, замерла, прислушиваясь. Тишина.

– Пап? Как мама?

Молчание. Она опустила на ледяной пол босые ноги. Из большой комнаты слышался звон посуды. Она подошла к двери, дернула за ручку – закрыто?

– Пап, как дела? Открой дверь.

– Маш, ты чего не спишь?

– Да как тут уснешь. Ты чего закрылся?

– Иди, Машка, погуляй.

– Как это погуляй, пап? Что с мамой? – Она сглотнула подступивший к горлу ком. В груди запылало пожарище, забила горячим мотыльком тревога. – Открой дверь!

Она с силой ударила ладонью по двери и тут же затрясла рукой от боли. Осела на пол. Из глаз брызнули горькие слезы обиды, как бывало в детстве, когда она, заигравшись, падала на асфальт и разбивала колени. Вот и сейчас она падала, летела в пропасть, только разбивались сейчас не ее коленки, а целая жизнь.

– Мамочка! – Маша размазала слезы по лицу, повернулась к закрытой двери большой комнаты. – Папа, скажи, что с ней?

– Она больна.

– Да открой же ты дверь! – голос зазвенел в беспомощном крике.

Снова удар тонкой ладошки и снова боль. Дверь вдруг распахнулась. Отец посмотрел на нее сверху, пошатнулся, оттянул и без того растянутую тельняшку, сделал глоток водки прямо из горла бутылки.

– А все из-за вашей водки! – Маша, отчаянным зверем, бросилась к отцу, попыталась отнять ненавистную бутылку, но отец был выше и сильнее. Он увернулся, отталкивая ее от себя. Маша упала на разложенный еще матерью диван и вцепилась зубами в подушку.

– Я хочу, чтобы она была дома!

– Я тоже хочу. – Отец сел рядом.

– Что ты молчишь? – она со злостью схватила подушку и бросила ее в дальний угол комнаты, чуть не сбив вазу на тумбочке, та закачалась, но все же устояла на месте. Маша на мгновение затихла, замерла, а потом разрыдалась с новой силой – это была любимая ваза ее матери.

Внутри все отмирало и вновь закипало, и она не знала, куда деть эту злость. Она бы, наверняка, успокоилась в заботливых объятиях отца, но он продолжал безучастно сидеть. Обида еще больше обожгла все внутри.

– Когда я смогу увидеть ее?

Отец неопределённо пожал плечами, проронил, отмахиваясь:

– Может, в конце недели съездим.

– А завтра?

– Нет.

– А когда?

– Я же сказал на неделе. – Отец обхватил голову руками, закачался из стороны в сторону. – Завтра у нее операция, а потом мы съездим к ней.

– Что за операция? – Маша нахмурилась. – Что у нее за болезнь? Почему я ничего не знаю?!

– Мама не хотела тебя расстраивать.

Маша вдруг засмеялась, развела руки в стороны:

– Расстраивать?!

– Да, – отец даже не посмотрел на нее, словно только у него болел близкий человек.

– А тем, что вы превращаетесь в пьяниц, вы меня не расстраиваете?

Отец молчал, словно и, не слушая ее.

– Вам нет до меня никакого дела!

Снова тишина в ответ.

– Так ведь, да?

Она замерла, ожидая, что он обнимет ее, и ее страхи отступят. Молчание. Дым от сигареты и стук собственного сердца.

– Ненавижу вас! – Маша бросилась к дверям, быстро обулась в рваные кроссовки, на секунду замерла, прислушиваясь, но отец никак не отреагировал.

Снова двор, залитый утренним солнечным светом, лужи, оставленные ночным дождем, проспект, киоск, остановка – ноги сами привели ее сюда. Маша прошмыгнула мимо людей, ожидавших в столь ранний час, рейсовый автобус и уселась на скамейку в самом углу остановки, невольно посмотрела в огромную клетчатую сумку, стоявшую рядом, из которой толстая женщина с ярко красной помадой на губах доставала кулек семечек. Смотрела на чужую сумку невидящим взглядом и думала о своем: конечно же, она не ненавидит его, родного отца. Сказала сгоряча, а точнее – с горя. Ее ненависть не к нему, а к его образу жизни. Она протестует не против него, а против его равнодушия. Равнодушия по отношению к ней, его единственной дочери, равнодушия по отношению к жизни, к будущему. Если хотя бы к не к своему, то к ее.

– Чего?! – раздался над ухом недовольный голос, и она вздрогнула, возвращаясь в реальность. – Чего говорю тебе, попрошайка?

Маша открыла рот, захватала как немая рыба ртом воздух. Незнакомая дама одарила ее безгловым взглядом.

– Нет у меня ничего! Можешь даже не заглядывать мне в сумку.

– Вы что? – Маша удивленно выгнула брови. – Я не попрошайка, мне ничего не надо.

– Ага! Как же. – Женщина взяла горсть семечек и снова завязала пакет на узелок, спрятав его в недрах сумки. – Глаза то вон, какие большие, в сумку смотришь. Так отвлекись на секунду, а ты и сопнешь или вещи или кошелек. Знаем мы таких, видали.

– Вы с ума сошли? Я просто задумалась.

– Я тебе сойду сейчас! – Дама ошетибилась. – Огрызается еще, соплячка! А ну пошла! А то быстро на тебя ментов вызвоню.

Пришлось встать и попятиться от неадекватной особы. Как назло подтянулись и другие ожидающие автобус и все, как сговорившись, уставились на нее. Что только не отражалось в

их глазах – от пресловутого презрения и брезгливости, до сочувствия и неодобрения – и куда только родители смотрят?.. И надо же – судят исключительно по внешнему виду.

Маша остановилась за остановкой, прикрыла глаза. Мысли заметались в голове стаей птиц, внутри – боль и опустошение. Почему все так? Она все ждала, что жизнь наладится, заиграет красками ярче и слаще. Вроде бы и начало было положено, вот хоть бы этим голубым свитером, что яркой кляксой ворвался в ее серую жизнь, но счастье – скоротечно. Права была мама.

Маша всхлипнула – мамочка только живи и будь здорова! Остальное не важно!

Она открыла глаза, когда закричал и пшыкнул автобус, остановка опустела и белый икарус, тяжело пыхтя, поехал в сторону центра. Вернулась на лавочку. Села в угол остановки.

– Да мы на дачу, на шашлыки! – услышала она совсем близко довольный крик Надьки и вздрогнула. Час от часу не легче. Следом за голосом, появилась она сама, в ярко красном спортивном костюме и красной же помадой на губах, все с теми же подругами.

– Ты здесь ночевала что ли? – засмеялась Надька, заметив Машу и направилась к ней.

Маша выдохнула.

– Как бродяжка бездомная! – девушка демонстративно поставила свою ногу в новом белоснежном кроссовке на скамейку рядом с Машей.

– Я не бродяжка. – Огрызнулась Маша, машинально поправляя волосы и оттягивая свитер.

– А кто ты? – с вызовом спросила Надя, и глаза ее заблестели азартным огнем.

– Я человек, такой же, как и ты.

– Не-не-не, ты себя и меня не сравнивай, бомжиха!

– Я не бомжиха! Почему ты судишь о людях по их одежде и внешнему виду? Нет у меня сейчас возможности выглядеть модно, но это же не означает, что я не могу нормально общаться. Не оскорбляй меня!

Надежда обескураженно хмыкнула. Свита за ее спиной замолчала, ожидая ответа.

– Еще раз сравнишь себя и нас, – процедила она сквозь зубы, – получишь по своей грязной морде, поняла?

Надька замахнулась и Маша, сдавшись, зажмурилась. Девушки засмеялись. Ее страх привел их в восторг. Конечно, когда ты сам слаб, лучшее средство – унижение соперника. Слов не хватило, в ход пошли кулаки.

Заскрипел старенький желтый икарус. Маша распахнула глаза, услышав отдаляющиеся шаги. В этом мире все думают только о себе, и никому нет дела до чужой жизни, с горечью подумала она и уронила голову.

Последующие дни проходили как в тумане. Отец постоянно пил и не обращал на нее никакого внимания, почти не разговаривал с ней, и все чаще в их доме появлялись посторонние люди, такие же пьяные как отец, и такие же безучастные к жизни. Маша, почти не выходящая из дома, молча, наблюдала за бесконечной вереницей пьяных гостей, устав от их пьяных разговоров, уходила в свою комнату, запиралась на шпингалет и лежала, свернувшись клубком на кровати. Смотрела в пустоту и ждала маму. Как же она сильно любила ее, как дорожила этой светловолосой женщиной, вмиг потерявшей интерес к жизни. Воспоминания о вчерашней мимолетной их встречи в больнице, больно обожгли лицо горячими слезами. Мать, под воздействием сильнодействующих лекарств никого не узнавала, почти не разговаривала и только единожды слегка сжала ладонь, в которой была хрупкая рука ее дочери. Мама... что может быть дороже.

В таком мучительном непонимании происходящего прошла неделя и в последнее воскресенье лета Маше сообщили, что матери не стало. Сообщили ей это известие пьяные гости отца, которых она встретила, едва переступив порог квартиры. Она остановилась посреди коридора,

с замиранием сердца слушая дикий, не знакомый до этого рев отца, доносившийся с кухни. Как Маша бежала из дома она не помнила, как мокла под проливным дождем – не ощущала, очнулась только, когда совсем замерзла и промокла, и когда сил кричать больше не было. Голос охрип, взгляд потускнел, потерял искру жизни, потухла ее душа, когда-то рожденная в теплых ласковых руках матери.

Холодный ветер хлестал по лицу, впрочем, как и сама жизнь – холодная и серая, непроглядно черная. Маша зажмурила глаза, подняла их к небу, вновь начинался дождь. Вот и отлично, пусть льет, пусть смоем всю боль и грязь, что приклеилась к ней, словно вторая кожа.

– Мама! – она упала на колени, тут же потонув в липкой грязи. – Мам!

Идущая впереди женщина испуганно обернулась, поспешила к ней. Дождь, словно желая не просто вымочить, а стереть её с этого клочка земли, с остервенением бил по лицу, путал волосы, заливал ледяные ручьи за промокший до последней нитки голубой свитер.

– Девушка, что с вами? – женщина склонилась над ней, и дождь на мгновение прекратился – огромный зонт защитил ее. – Поднимайся, заболеешь ведь.

– Нет! – Маша ударила незнакомку по руке, закричала что-то совсем не разборчивое.

– Да ты пьяная что ли? – женщина брезгливо одернула руку, из-за ливня она не видела заплаканного лица Маши, ее слез, льющихся потоком, не хуже дождя. – Вот где твоя мать? Куда она только смотрит? Стыдоба-то, какая!

– А-а-а...

– Какой позор!

Маша сидела прямо в луже, уронив голову и руки, раскачивалась из стороны в сторону, словно китайский болванчик, и видела только удаляющиеся ноги в черных брюках, слышала только свои горькие всхлипы.

Тьма обступила со всех сторон. Гулкая и шуршащая, иногда разбавляемая чьими-то тихими и тяжелыми шагами, но затем снова гул и шорох и снова шаги. А потом вдруг тишина и непроглядная мгла поглотили ее. Сумрак и тишина, лишь изредка – тихий голос, врывающийся в ее сознание теплым вихрем – то была колыбельная, что в детстве напевала мама. Маша слышала знакомый и любимый голос, улыбалась, и становилось так тепло, что хотелось нежиться в этой любви бесконечно. Но голос пропадал, издали доносились звуки шагов и грохот посуды, музыка печальная и скорбная, плач, а потом снова божественный свет озарял лицо, и приходила петь мама. А в один из таких дней мать махнула ей рукой, словно прощаясь, и Маша вздрогнула, приходя в себя.

Она с трудом повернула тяжелую голову, облизнула пересохшие губы, открыла глаза. Напротив, на старом табурете кто-то сидел, а сама она лежала под пледом в своей постели. Голова трещала по швам, все тело бил мелкий озноб.

– Кто вы? – Маша отшатнулась к стене, когда зрение окончательно вернулось и она увидела незнакомое мужчину с сигаретой в зубах.

– Почему не в школе? – спросил тот и выпустил колечко едкого дыма к потолку.

У незнакомца был хриплый прокуренный голос, пропитое лицо, заросшее бородой, торчащие во все стороны рыжие усы и блеклые рыбы глаза.

– Я тебя спрашиваю, отвечай!

– Кто вы? – Маша подтянула колени к груди, потрясла головой, пытаясь сбросить с себя наваждение. – Что вы делаете в моей комнате? Уходите отсюда!

– Ишь, какая дерзкая! – мужик усмехнулся и скинул пепел на палас, обернулся на скрип двери. – О, Мишка!

– Пап! – Маша обернулась на вошедшего в комнату отца.

– Мишка, а почему дочь твоя такая не воспитанная, а?

– Давай, Петрович, выйди отсюда, не мешай Маше отдыхать, она болеет.

– Пап! – Маша попыталась встать, но головокружение снова припечатало к постели. – Кто это?

– Это мой друг, Машенька. – Отец склонился над ней, обдав стойким перегаром, поправил плед. – Лежи, Маша, ты еще слаба, целую неделю жар мучил.

Отец подтолкнул своего товарища к выходу из комнаты, и они оба, пошатываясь от алкогольного тумана, вышли.

– Пап! – Маша села на постели. – Пап!

Но отец закрыл за собой дверь. Маша на минуту прикрыла глаза, голова действительно кружилась, и казалось, весила тонну. Она не без труда свесила ноги, поставила их на холодный пол. Чтобы подняться пришлось приложить немало усилий. Пошатываясь, почти дошла до двери, но остановилась, пытаясь удержать равновесие. Открыла дверь своей комнаты как раз в тот момент, когда входная дверь закрывалась – приятели ее отца уходили. Она облегченно вздохнула, хотелось поговорить с отцом без лишних ушей и глаз. Она, все также пошатываясь, прошла по темному коридору к кухне и, прежде чем переступить порог, осторожно заглянула.

На кухне еле слышно играл магнитофон, из динамика мужской голос просил утолить его печали, настойчиво звал некую Натали. Маша хмыкнула, поморщилась от удара в висок. А головная боль оказывается действительно – боль. Повсюду пустые бутылки из-под водки, валяется кусками уже зачерствелый хлеб. Отец сидит у открытого окна и курит. Маша сделала шаг и только сейчас заметила фотографию матери, перевязанную черной лентой, стоявшую на столе, посреди объедков и пустых рюмок.

Тупая боль разлилась по слабому телу, наполнила невыносимой тяжестью, пропитав ее, словно губку. Захотелось закричать, завывать воем, но из горла вырвался лишь беспомощный стон.

Отец обернулся, замер с поднесенной ко рту сигаретой.

– Маш, зачем ты поднялась?

Она осела на стул, не отрывая взгляда от фотографии.

– Папа, а где она сейчас?

– Машка, ну что ты такое говоришь? – отец вздрогнул, посмотрел на нее сквозь пелену своих некогда голубых глаз. – Она на небе, Маш.

– В больнице еще?

– Маша? – взгляд сердитый. – Услышь меня.

– Скажи, что в больнице.

– Нет. – Еле слышный шепот отца прополз по коже, точно змея, оставляя ядовито горький осадок.

Машу передернуло. Она сжала губы до синевы, обхватила голову руками. Она все летела в эту пропасть, открытую пасть которой она видела в день, когда мать увезли. Все летела и никак не могла разбиться.

– Неужели и похоронили уже?

Молчание. Кивок.

– Как?! – Маша как раненый зверь метнулась к двери, обратно, прикусила губы. – Как же так?

С силой ударила ладонью по столу, смахивая пустую посуду и закричала что было сил. Отец поморщился, затягиваясь ядовитым дымом. Она осела на грязный липкий пол, истоптанный чужими ногами, и зарыдала, обхватив голову руками, вцепилась себе же в волосы, с силой дернула их на себя, но от горя ничего не почувствовала. Кто-то прошел мимо, слегка толкнув ее, загремела посуда. Маша открыла глаза – несколько незнакомых женщин уже сидели за столом и наливали себе и отцу водки.

– Кто вы? – Маша поднялась на ноги.

– Помянуть надо. – Сказала одна из них, громко икнула, обратилась к отцу: – Дочь твоя?

Отец кивнул, опрокинул в себя содержимое граненого стакана. Маша, рывком дикого зверя смахнула одну из наполненных рюмок со стола.

– Он не будет больше пить, пошли вон отсюда!

– С ума сошла? – прошелестела одна из незнакомок, толстая и рыжая, в растянутой кофте и спортивных штанах. – Мы Аньку поминаем, уйди отсюда!

– Сама пошла! – Маша бросилась на нее, но вторая больно дернула за руку, выпихнула в коридор.

– Папа!

Отец поморщился, не отрывая взгляд от черного пола.

Глава 6. Здравствуй, учеба!

На учебу Маша пришла через две недели после начала занятий. Вся группа уже знала причину ее отсутствия и поэтому лишних вопросов никто не задавал. Никто не издевался и не смеялся над ней, как бывало прежде, даже ненавистная Надька и та одаривала ее сочувствующими взглядами.

К занятиям она так и не подготовилась. О новом платье и речи не шло и Маша, сидя за партой то и дело старательно натягивала свой старый сарафан на оголенные и острые от худобы колени.

– Ты вся светишься. – Галина догнала ее в коридоре, когда началась перемена. – Как ты?

– Свечусь. – Маша хмыкнула, приятно вдохнула доносящийся со столовой запах – пирожки с картошкой по десять рублей за штуку были вкусными. – Святая я что ли, чтобы светиться?

– От худобы светишься, дура! – Пшыкнула Галя. – Доходяга, кошмар блин, кожа да кости, что батя вообще не кормит?

– Кормит. – Маша запрыгнула на подоконник, расправила полы сарафана, усаживаясь, вспомнила вчерашний ужин из консервной сайры, слипшихся макарон и черного хлеба. Имелась дома еще колбаса, но внешний вид и запах Машу не радовал, поэтому обошлось без нее. – Скоро должна бабка приехать.

– У тебя есть бабушка? – Галюня нахмурила свои крашенные черным карандашом брови. – Никогда не слышала о твоей бабке.

– А у меня ее и нет. – Маша спрыгнула с подоконника, оказавшегося слишком холодным. – Двоюродная какая-то, не знаю, как отец ее вызвонил и зачем. Слушай, а деньги у тебя есть?

– За пирожками? – быстро сообразила подруга.

– За ними.

– Есть немного. – Галина задумалась, поджав губы, затем махнула рукой. – Ладно, идем, угощу тебя по старой дружбе.

Они спустились на первый этаж, зашли в столовую, и пока Галя стояла в очереди за пирожками, Маша села за стол у открытого настежь окна. Дожди прекратились, наступило бабье лето. Солнце грело в своих последних жарких лучах всех желающих, птицы пели, и захотелось вдруг туда, на улицу, гулять не спеша по дороге, вдыхая запах осени.

– Чего ты улыбаешься? – спросила Галя, присаживаясь на соседний стул. – Держи.

Она протянула Маше сверток с двумя пирожками, горячими и вкусными до одурения.

– Хочу на улицу. Бродить и чтобы никто не трогал. – Маша откусила кусочек, зажмурилась от удовольствия. Вот он, момент наслаждения и счастья. Мимолетного, обыденного, но все же счастья – главное, не упустить его. – А, может, уйдем?

Галя удивленно фыркнула. Уж что-то, а прогуливать занятия обычно в их дуэте предлагала не Маша.

– Ты серьезно? Ты и так пропустила много. – Она задумчиво посмотрела в окно, из которого дул теплый ветер, поправила рукой воротник красной рубашки и вдруг хлопнула ладонью по столу.

Маша довольно хмыкнула – озорной блеск в глазах Галюни, как правило, не предвещал ничего приличного.

– Недолго же тебя пришлось уговаривать. – Маша доела последний пирожок, подумав, что съела бы еще парочку и взяла в руки свою замшевую сумку. – Идем?

– У меня есть отличный план! – ехидно засмеялась подруга, хватая ее за руку.

– В каком смысле?

– Во всех! – Галя засмеялась. – Но сначала, перейдем к действиям. Ты как на счет поездки на дачу?

Маша задумалась.

– Если хочешь, иди, предупреди отца, что с ночевкой, потому что я планирую попроситься поехать со Славиком. Они, конечно, собирались чисто мужской компанией, но я тоже хочу! Тем более что и ты согласна.

– Я еще не согласилась.

Галя остановилась на крыльце училища, удивленно посмотрела на нее:

– Ты себя со стороны слышишь? – Она недовольно цокнула, скрутила губы трубочкой, собираясь обидеться.

– Хорошо, – Маша прижала сумку к груди. – Только скажу отцу, а то вдруг потеряет.

Подруги кивнули друг другу и разошлись в разные стороны, договорившись встретиться у Галькиной общаги в четыре часа дня. В том что, отец кинется ее искать, Маша, конечно, сомневалась, но домой зайти все же решила, чтобы переодеться.

Она вбежала в свой подъезд, подошла к двери абсолютно уверенная в том, что отца нет дома, но дверь оказалась открыта настежь. Маша остановилась, прислушалась – тишина. Отец должен быть на работе, а если даже представить, что в квартире побывали воры, то неудивительно, что они бежали, даже не прикрыв за собой дверь. Такой бедности и запустенья, они, наверное, давно не видели. Маша прыснула от смеха и зашла в квартиру, на кухне послышалось движение. Сердце ушло в пятки. Она вытянула шею, пытаясь хоть одним глазком заглянуть в кухню и какое же было ее удивление, когда она увидела отца, с утра уже распивавшего крепкие напитки.

Маша безвольно опустила руки, так же безропотным зверем замерла душа, и сердце замерло, окатив волной разочарования.

– Пап, ты, что на работу больше не ходишь?

– Нет. – Отец, казалось, нисколько не удивился столь раннему ее появлению дома, безмятежно продолжил курить, потупив взгляд.

Маша бросила в угол коридора свою сумку, прошла на кухню, села напротив.

– Почему?

– Не хожу.

– Почему, пап? – Она дотронулась до его плеча. – Тебя что уволили?

– Не знаю, может быть.

– Но как же так, пап? Как мы жить то будем?

– А зачем жить, Маш?

– Что? – Маша нахмурилась, стараясь не расплакаться. – Что ты такое говоришь?

– Мамки нет и жизни нет теперь.

Он снова налил в стакан водки, залпом выпил, даже не поморщившись.

– А как же я?! – из глаз все-таки брызнули соленые слезы.

– А тебе учиться, дочка, надо, чтобы стать человеком. Профессия, нужна, понимаешь?

– Я-то понимаю. – Маша попыталась заглянуть отцу в глаза. – А ты это понимаешь? Как я одна буду без тебя?

Отец отчего-то вдруг нахмурился, сдвинул поседевшие брови к переносице, сказал со злобой:

– Понимаешь?! Тогда почему не на учебе? Опять прогуливаешь?!

– Но пап?!

– Что? – он ударил кулаком по столу. – Вот я возьмусь за тебя!

– Ага, возмись! Поздно воспитывать, па!

Отец что-то бормотал на кухне, до нее доносились обрывки фраз. Маша легла в кровать, свернулась клубком, укрылась с головой одеялом. Как дальше жить? Как становится сильной?

С чего начать и откуда брать эти силы, которых нет?.. И чего она теперь хочет? Утром она хотела идти по улице и дышать свежим воздухом, но ноги принесли ее домой. Но и дома находится, нет никаких сил, слишком много грусти и боли живет в этих стенах...

Она мотнула головой, отгоняя прочь невеселые мысли. «Надо учиться, чтобы стать человеком» – пронеслись в голове слова отца, и Маша кивнула, разбрасывая на подушке свои непослушные волосы.

С профессией – ты уже человек...

Решено, подумала она, засыпая, больше никаких прогулов, а только полное погружение в учебу и через год поступление в институт.

– Ты что спишь?

Маша вздрогнула и открыла глаза. Подруга в новых джинсах и розовом свитере топталась на пороге ее комнаты.

– Ой, а сколько времени? – Маша села, потерла ладонью закружившуюся от резкого подъема голову. – Я уснула.

– Да я вижу! – буркнула Галина и бросила в неё небольшой пакет. – Пять часов уже. Я тебя ждала у своего дома – тебя нет, пришлось самой идти.

– Извини, уснула. – Маша поднялась с кровати. – А что это?

– Примерь, может тебе как раз будет. – Галя прошла к окну, отодвинула штору, уселась на подоконник, вставила в рот сигарету.

– А что это? – Маша с интересом заглянула внутрь пакета. – Джинсы?

– Мне малы на пышном месте, – Галина усмехнулась. – А тебе, плоской доске, в самый раз будет!

– Не такая я уж и плоская, – отозвалась Маша, уже натягивая джинсы. Те и вправду легли по фигуре, обтянув ее округлые бедра словно вторая кожа. – Супер, мне как раз в пору.

– Я так и знала. Бери, дарю! – Подруга сделала жест рукой и, сощурившись, продолжила: – Тем более что на даче твой ненаглядный Макс будет.

Как? – Маша выронила пакет из рук, физически ощутила, как сердце уходит в пятки.

– Ну, он вообще-то общается с моим Славкой, что ты удивляешься? – Галя выпустила тонкую полоску дыма под потолок. – Не рада, что ли?

– Рада. – Маша облизнула пересохшие губы, стянула джинсы и отбросила их на кровать, заходила по комнате в одних белых трусиках, то и дело, бросая взгляд на свое отражение в зеркале. Какие ноги у нее длинные и талия тонкая и бугорки груди под тонкой майкой выпирают призывно – кажется, грудь даже набухла от одного только его имени. – Толку только от этой радости?

– Ой, ну ты как маленькая! – Галя заговорщицки спрыгнула с подоконника, подошла к ней. – Он, конечно, тебе не пара, вернее, ты ему, но время то провести с ним можно. Пора уже. И отвлекаться тебе не мешает.

– Что ты имеешь в виду? – Маша не стала рассказывать ей о том, что они и так периодически пересекаются и всегда она выставляется перед ним полной дурой.

– Хотя он такой симпатичный, что уж тут скрывать – студент – отличник техникума, спортсмен! По нему все девки сохнут, только и слышу – Макс, Макс...

– Я знаю и что? – почти истерично спросила Маша.

Галька нахмурилась:

– Ну да, совсем вы разные. – Она села на кровать. – Я сначала подумала, что неплохо было бы тебе с ним повстречаться, пора уже взрослеть, но наврядли он на тебя клюнет.

– Спасибо. – Фыркнула Маша и так это понимавшая. Она ему не пара, да еще и маленькая, как он не раз уже говорил. А у нее ведь первая любовь случилась. И именно к нему.

Маша закрыла глаза, мысленно досчитала до десяти. Ну, уж нет. Дома она не останется. Она вновь натянула джинсы, метнулась к шкафу, повернулась к зеркалу, снова окинула себя взглядом – в новых светлых джинсах она выглядела потрясающе! А еще этот свитер небесного цвета, и волосы слегка распустить...

– Что ты там себе под нос шепчешь? Восхищаешься собой? – подруга приснула от смеха.

– А что? – Маша улыбнулась. – Не так уж я и плоха.

– А ты что сомневалась? – Галя выгнула накрашенные брови, сказала с восхищением: – Высокая, стройная! Рост модельный! Рот до ушей! У тебя же улыбка просто космос! Как у той, как ее... – Галя обхватила голову руками, вскрикнула, вспомнив: – Как у Джулии Робертс из Красотки! Уверенности бы тебе больше и наглости!

Маша пожала худыми плечами:

– Скажешь тоже. А за джинсы спасибо тебе, моя фея.

Галюня ни на секунду не замолкала, заглушала своей болтовней грохот электрички. Маша, больше из вежливости кивала головой, совсем не вслушиваясь в ее слова. Все мысли были заняты встречей с Максимом. Она ощущала волнение, дрожь в коленях, легкое возбуждение и страх.

– Долго еще? – спросила она нетерпеливо. За окном мелькал местами уже пожелтевший лес, навевающий тоску. А на даче, наверное, гитара, шашлыки...

– Минут сорок еще.

– А ребята в курсе, что мы едем?

– Не знаю, – подруга пожала плечами. – Главное, что Славик знает, на остальных мне плевать.

Маша поджала губы, подумав, что ей плевать как раз на Славика, от которого жутко устаешь, потому, как его рот ни на секунду не закрывается, впрочем, как и у Гали. Нашли друг друга.

– А кто ты говоришь, там еще будет?

Галюня взяла из маленькой дорожной сумки с немецкими логотипами горсть семечек, закинула пару штук в рот:

– Славка мой, его брат Андрей, твой Максим. – Галка засмеялась. – Хотя какой он твой! И еще кто-то вроде, не знаю точно.

– Ясно. – Маша вновь почувствовала, как затрепыхалось сердце и с улыбкой на лице, зажмурила глаза, прикасаясь лбом к стеклу.

Вот, что значит, любовь, подумала она и как наяву ощутила аромат его духов. Пришлось даже распахнуть глаза. Электричка замедляла ход. К выходу потянулись тетки с клетчатыми сумками – челночницы, таскающие на городской рынок шмотки.

– Хватит мечтать! – толкнула ее в бок Галя. – Приехали!

От станции до дачи несколько сот метров. Не дошли, а добежали! Еще за пару домов, услышали звуки музыки и смех – мужской и женский.

Маша сглотнула ком, подкатившийся к горлу, остановилась посреди аллеи.

– Я не пойду.

– Почему?

– Там какие-то девицы!

Галина недовольно фыркнула, развернулась и зашагала к дому.

– Остановись! – крикнула Маша. – Ты что знала про девок и не сказала?

– Пойдем, а?

– Почему ты не сказала мне?

– Потому что! – отозвалась подруга, нервно поправляя закрученные волнами волосы. – Можно подумать, я тебя не знаю? Ты бы тогда точно никуда не поехала!

– Может и поехала, но успела морально подготовиться.

– К чему? – крикнула Галя, теряя терпение. – Какая разница кто здесь еще? Мы приехали шашлыки есть, и веселиться, к тому же Славик разрешил.

Маша посмотрела себе под ноги, тяжело вздохнула – от окрыленного настроения не осталось и следа.

– Это все из-за навязанных тебе комплексов. Ты уверена, что хуже всех. А это не так. Ты не глупая, Машка и при том симпатичная, в отличие от тех, кто тебя травит. Забудь. По крайней мере сегодня. Прошу тебя! Давай, выше голову и пойдем! – Галя подошла, взяла ее под руку. – Как себя подашь, так и оценят, запомни.

Галюня вздернула вверх подбородок, потянула Машу за собой. Наглости и смелости ей было не занимать, может оттого и общалась она исключительно со студентами универов, одногодок же своих и в упор не замечала. И держалась она всегда по-королевски, даже в школе ей никто не осмеливался сказать гадость.

– Да иду я, иду. – Обреченно выдохнула Маша.

Они вошли во двор, где напротив крыльца, у мангальной зоны, сидел Славик со своими друзьями.

– Ой, кто приехал! – засмеялся тот и раскинув руки в стороны направился к ним.

Галюня, с криками бросилась ему на шею, а Маша, прошла к дачной качели, кротко кивнув присутствующим. Она успела заметить, как удивился Максим ее приезду, но самое главное, она прекрасно видела тощую блондинку, сидевшую у него на коленях.

Маша зажмурилась сильно-сильно. И зачем она только согласилась?..

Блондинку все называли ласково – Танечка. Маша кивнула ей головой, знакомясь, отвернулась – видеть ее невыносимо. Та, наконец, отлипла от Макса и направилась в сторону дома. Парень посмотрел на Машу, и она торопливо отвела взгляд.

Макс усмехнулся. Вот уж не ожидал, так не ожидал...

Девчонка сидела на подвесной деревянной качели. Их разделяло несколько метров, и он успел заметить и ее недовольно-ревнивый взгляд и смущение, что сменило ревность и залило пунцовой краской ее смазливое лицо. Она под его колким взглядом упрямо продолжала смотреть себе под ноги и медленно раскачивалась, отталкиваясь от земли длинными и худыми, точно спички, ногами.

Он поднял взгляд выше – под голубым свитером небольшими бугорками выделялась грудь, еще выше и их взгляды встретились. Максим усмехнулся, подмигнув ей. Маша же, грозно сверкнув карими глазами, отвернулась, вздернув вверх подбородок. Он засмеялся специально громко, она что-то прошептала себе под нос, но на него не посмотрела.

– Привет.

Она вздрогнула, открыла глаза. Максим сел рядом, и качели закачались из стороны в сторону.

– Они нас не выдержат. – Маша попыталась встать, но Макс взял ее за руку и усадил обратно.

– Выдержит, – спокойно сказал он. – Не ожидал тебя здесь увидеть.

Маша хмыкнула. Он слегка толкнул ее в бок. Она сдалась и улыбнулась. Оказывается, она очень скучала по нему.

– Как ты? Я слышал про твою маму, сочувствую. – Она повернулась, поморщившись, встретила с ним взглядом. – Ты держись.

Она мотнула головой, закусывая губы.

– Извини. – Он слегка дотронулся пальцами до ее руки. – Прости, Маш.

– Ничего, все нормально.

Синее море обволакивало спокойствием и захотелось окунуться в него, потонуть, забывая обо всем и обо всех. Она никогда не видела настоящего моря, но показалось – слышит шум и рокот его волн. Прибой, штиль, шторм – всё что угодно – только бы для нее одной.

– Говорят, время лечит. – Она зачем-то пнула камушек ногой, и тот покатился по дорожке. – Хочу уснуть и проснуться лет через десять.

– Жизнь продолжается. – Он снова дотронулся до её руки. – А у тебя вообще всё только начинается, так что не вешай нос. Жизнь порой сурова и несправедлива, но свет обязательно озарит эту тьму.

– Да, обязательно. – Она дернула плечом, а потом вдруг почувствовала внутри такую ярость, что нервно выдохнула: – Я приехала сюда не свою несчастную жизнь обсуждать, а отдохнуть.

Маша повернула голову, встретилась с ним взглядом. Он смотрел на нее с сочувствием, как она и ожидала, с ненавистной жалостью. Лучше бы он вообще не смотрел на нее, не обращал никакого внимания, чем так – мучительно и бесполезно. Женский крик у крыльца привлек всеобщее внимание, и Маша заметила, как блеснули его глаза, при виде блондинки Танечки.

– Не надо меня жалеть, не маленькая. – Резко отозвалась она, меняясь в голосе, перебивая его и не давая ему сказать больше ни слова. Он вдруг стал ей противен – жгучая ревность обожгла, испепеляя изнутри.

– Хорошо. – Он хмыкнул, пожал плечами, посмотрел на нее долгим задумчивым взглядом, поднялся с качели. – Ну, отдыхай, Маша, раз приехала.

– Да, спасибо за разрешение. – Она вздернула вверх подбородок, кивнула Славику – тот открывал шампанское. – Я тоже буду!

– Девочки, несите бокалы! – отозвался Слава.

Пузырьки в бокале лопались и шипели, щекотали нос. Она натянуто улыбалась, делая маленькие глотки, и ждала свою порцию мяса, абсолютно не обращая внимания на то, что происходило вокруг. Нет, она, конечно, видела краем глаза, как Татьяна села на колени к Максиму, что-то зашептала ему на ухо, а потом случился долгий поцелуй. Вот так просто – шепот, движение руки по его шеи, и прикосновение губ.

Маша зажмурилась, глубоко вдохнула воздух – жженные осенние листья, готовящееся на углях мясо, дым горьких надежд. Открыла глаза. Девушка повисла на его шее, обвила руками, заскользила по широкой крепкой спине. Он рассмеялся, а потом с силой притянул ее к себе и прикоснулся губами к ее шее. Маша приросла к земле. Тело налилось свинцовой тяжестью, дыхание снова перехватило. Она как в замедленном фильме видела как его губы скользят по ее коже, оставляя горячие и влажные отпечатки, как он прикасается – очевидно! – языком и слегка покусывает зубами. Ноги вдруг задрожали, а внизу живота невыносимо заныло – это все он должен был делать с ней, с ее шеей и губами, она ведь каждую ночь себе это представляла! А еще ее с головой накрыла ненависть.

Рядом завизжала Галина. Маша скосила глаза лишь на мгновение в ее сторону: Галя висит на Славику, обвив его тело руками и ногами, словно лямур, вцепившийся в пальмовую ветвь, и в голове уже ее недавнишние рассказы о сексе. То, чем сейчас она занята со своим парнем, и уже тем более то, чем занят Максим с этой... называется ведь прелюдией, верно? Ласки, поцелуи, объятия – все это чтобы разогреться перед тем, как – в голове восторженный голос подруги – его член становится таким твердым, что когда он входит в меня, мне кажется, что я полна им до зубов! Он двигается во мне, погружаясь так неистово и глубоко, что меня разрывает на части! Я растворяюсь на молекулы, на кусочки радужного kaleidoscope. От счастья Маша, от счастья!

Машу передернуло. Она плюнула себе под ноги и отвернулась. За два больших глотка осушила бокал, попросила еще, усмехнувшись собственным наивным мыслям – еще каких-то пару часов назад, она, сидя в электричке, представляла себе свой первый поцелуй – под

светом луны, под звуки костра и гитары, которых на даче не наблюдалось, с ним, с Максимом. Наивная дурочка!

Она дождалась своей порции мяса, взяла еще шампанского, и от удовольствия даже забыла на мгновение о своей неразделенной любви.

– К чему слова, к чему любовь, когда здесь такой праздник живота, верно? – Галюня села рядом на низенькую скамеечку у мангала. – Классно ведь?

– Мне плевать на него, – прошептала Маша, убирая с колен, пустую пластмассовую тарелку.

– Ну и правильно. – Галя подкурила сигарету, протянула Маше. – На, травись, а я пойду, посмотрю, что там Славик в доме делает.

Маша взяла сигарету, затаилась, выдыхая дым кривым колечком, посмотрела по сторонам – Андрей, брат Славика разговаривал со своим другом, с которым она даже не зналась, белокурая Татьяна развлекала Максима, ее подруга Тоня целовалась с другом Максима – Денисом. Обе эти девицы уже учились в институте, обе считались взрослыми. Красивые – и та и другая. Лоск от сытой и беззаботной жизни наложил след на внешность. А она... А что она – серая помятая жизнью – еще не успевшая пожить как следует этой самой жизнью! – мышка.

Она поднялась со скамейки, налила себе в бокал еще шампанского, прошла вдоль сада, обогнула дом и села на скамейку у яблони на заднем дворе. Здесь, звуки музыки почти не слышны, лишь стрекот кузнечиков и сверчков ласкает слух, да шелест листвы от легкого вечернего ветра. Она докурила, бросив окурочку через забор на грядки соседям, обхватила колени руками и закрыла глаза, подумав – этот вечер станет хорошим отрывком сегодняшнего дня, хотя в целом день был, как всегда скверным, принесшим очередное маленькое разочарование, поселившееся в ее сердце. Да и пусть уже живет там нескончаемое разочарование и никогда не уходит! Говорят, человек ко всему привыкает. Значит и она привыкнет, а как привыкнет – станет легче.

– Вот ты где?!

Маша вздрогнула. Надо же, пришел. Стоит, чуть пошатываясь, улыбается. Смотрит нагло, прожигая насквозь. Какой он сейчас взрослый. Прямо мужик. И крепкий такой, широкие накачанные плечи. Она рядом с ним совсем как тростинка.

– А ты искал меня? – Она усмехнулась, почувствовала легкое головокружение. Тело и мысли словно разделились. Первое стало слабым и безвольным, словно тряпичная кукла, набитая ватой, а в мутной, кружащейся голове шумело и стрекотало выпитое шампанское.

– Искал. – Максим довольно ухмыльнулся. – А ты сегодня такая дерзкая.

Он засмеялся своим чуть хрипловатым смехом, сердце Маши предательски затрепыхалось. Вот ведь какое! – только что изнывало от боли и обиды, а теперь порхает от радости.

– Где потерял свою подружку? – в ее голосе прозвучали капризные нотки. Она отвернулась и подвинулась.

– Ревнуешь? – Он сел рядом, довольно рассмеялся.

– Еще чего! – Маша снова пнула ногой ком земли. Получилось слишком эмоционально – и возглас и движение. Щеки запылали.

– Нервничаешь, значит, правда. – Он улыбнулся, чуть наклонился, заглядывая в ее хмурое лицо. – Расслабься, Маша и улыбнись.

– Ерунда, я не ревную! С чего бы это?

– Да ладно тебе, не злись, – он мягко толкнул ее в бок. – Искал тебя, а то толком и не пообщались, меня отвлекли.

– Да, я видела, как тебя отвлекали.

– Все-то ты видишь. – Он снова засмеялся, замолчал, а когда их глаза встретились, тихо спросил: – Как поживаешь в целом? Давно не виделись.

– Нормально. Собираюсь полностью отдаться учебе. Учиться, учиться, и еще раз учиться.

– Как говорил дедушка Ленин?

– Не знаю, что он там говорил, я при нем не жила.

Максим снова засмеялся, сказал, кивая:

– Это правильно. Учение – свет.

– А не ученье – тьма.

– Тьма. – Передразнил он ее, усмехаясь, а голос ласковый – бредет тихим приливом по ее коже, поднимает волоски, бросает в омут с мурашками. – Все же лучше, чем с переростком Галькой по дачам ездить, особенно где взрослые парни отдыхают. Вот что ты здесь забыла?

Маша усмехнулась и повернулась к нему, сев в пол оборота.

– Я не маленькая уже! Я сама курю и выпиваю, не заметил еще? А значит, тоже отдыхаю.

– Заметил. – Он щёлкнул пальцем кончик ее носа. Маша цокнула, прикоснулась к нему пальцами. Смотрит обиженно, пыхтит.

– Вот ты знаешь, чем сейчас твоя подружка занимается?

– Знаю.

– Во-о-т. – Поучительно протянул он. – Ублажает своего парня, а должна по идее сидеть дома и делать уроки.

– Ну и что, – Маша фыркнула. – У них любовь!

– Знаем мы эту любовь. – Макс усмехнулся, добавил тихо: – Но ведь ты не такая, верно? Ты еще маленькая. Тебе рано это все, Маша.

– Так уж и рано? – фыркнула на упрямую, хоть и знавшая о сексе только по рассказам Гали, но желавшая сейчас, казаться ему взрослой.

– Не рано что ли? – он снова толкнул ее в бок, засмеялся, мотнув головой.

Маша смутилась, щеки запылали огнем. Хорошо – ночь, он не увидит.

– Застеснялась? – его негромкий смех пробежался тысячами мурашек по коже. И снова она ощутила запах его одеколona, его тела, его горячее дыхание и голова от удовольствия закружилась.

– Нет.

– Ты извини, если что не так, я просто выпил сегодня, язык развязался.

– А тебя твоя девушка не потеряет? – спросила Маша и тут же закусила губу – ну вот зачем?!

– Ой, как ты это произнесла...

Маша посмотрела на него – его глаза напротив, губы в нескольких сантиметрах от ее лица и она ощущает его горячее дыхание на своей коже. Она сглотнула слюну.

– Я же говорю, ревнуешь.

– Нет.

– Да-да!

– Нет. – Маша облизнула пересохшие губы и вдруг прошептала: – Макс?

– Что?

– А поцелуй меня?

Он вдруг перестал улыбаться и слегка отшатнулся.

– С ума сошла?

Реальность вторглась в ее сознание оглушительным выстрелом. Даже шум в голове исчез. А тело, наконец, обрело форму и силу. Маша всхлипнула, закусывая губы, лицо вновь обожгло от стыда. Она хотела встать и бежать, но он схватил ее за руку.

– Извини. Я имел в виду, что тебе еще рано. Береги себя.

– Я дура.

– Нет, – он усмехнулся, заставил ее повернуться и посмотреть на него. – И больше не пей. Алкоголь делает с такими девочками как ты ужасные вещи.

– Я и не пью. Мне известно, что делает алкоголь с людьми, поверь.

Макс отпустил ее руку, облизнул губы, тяжело выдохнул:

– Извини меня.

– Нет, ты извини. – Она мотнула головой, желая провалиться от стыда сквозь землю.

– Не извиняйся, Маша, – он приобнял ее и она, сникнув и расслабившись, осторожно положила ему на плечо свою голову – как хорошо вдруг стало на душе...

– Просто на этом месте мог быть не я и что тогда? – он мотнул головой, словно отгоняя от себя эти мысли. – Ты бы сейчас, как и твоя подруга, развлекала взрослого парня своим молодым телом. Зачем?

– Если по любви...

– По любви... – он слегка провел ладонью по ее волосам, Маша зажмурилась от удовольствия. С ним рядом тепло и спокойно.

– По любви, – повторила она еле слышно, не отнимая головы от его груди. – На этом месте был бы только ты и никого другого!

Он вновь усмехнулся, сказал шепотом:

– Звучит, как признание в любви.

Маша испуганно распахнула глаза, хотела убрать голову, но он снова притянул ее к себе.

– Да расслабься ты. – Он засмеялся. – Все хорошо.

Он замолчал, и в тишине она услышала, как быстро и громко бьется его сердце, как прерывисто и тяжело он дышит.

– Давай, Заканчивая учебу, – сказал он вдруг, слегка отталкивая ее от себя. – Поступай в институт на заочку, учись хорошо, устраивайся на работу или подработку. Потом влюбишься в одноклассника или коллегу и выйдешь за него замуж.

Она мотнула головой – ей не нравилась такая перспектива. Она хочет его и только с ним. Он снова тяжело вздохнул, подмигнул ей, спросил тихо:

– Ну что ты смотришь так на меня?

Маша потупила взгляд, опустила голову.

– Не обижайся на меня, ребенок.

– Я не ребенок.

– А кто ты? – он провел ладонью по ее волосам.

Маша повернула голову, их глаза вновь встретились. Магнитные глаза – синие и бездонные и она вновь летит в его омут. Люблю – шепчет сердце, восторженно порхая вдруг появившимися крыльями. Он усмехнулся – он все прочел в ее глазах? Наивная... Дуреха...

Он облизнул губы, а она вдруг поддалась вперед, закрывая глаза.

– Ну уж нет! – выдохнул он, отталкивая ее от себя. – Нет, Маша, даже не думай! Какая ты настырная, а?

И пока Маша сконфуженно сидела с закрытыми глазами, стыдясь их открыть, он поднялся. Легкий ветер донес до нее его отдаляющиеся шаги, и она уронила голову.

Глава 7. Новая родственница

Дверь в квартиру распахнута, в нос бьет запах гари. Сердце екнуло. Маша вбежала в квартиру и замерла посреди коридора. Испуг сменился острым недоумением. На кухне, разгневая полотенцем дым из духовки, топталась рыжеволосая женщина, бывавшая в их доме все чаще.

– Что вы здесь делаете? – Маша кинула свой небольшой рюкзак на стул.

– О, Машка, явилась! – Та невозмутимо, совсем по-хозяйски, повесила полотенце на спинку стула, окинула её внимательным взглядом. – Проходи.

Проходи? Ей разрешают пройти в ее собственном доме?

Из ванной комнаты вышел отец, встряхивая рукой мокрые волосы.

– Привет, Маш. Ты что дома не ночевала? Где была?

– Где была, там уже нет.

Маша окинула взглядом стол, липкий и не убранный, посреди которого стояли два пакета еды.

– Курица сгорела, я крылья зажарить пыталась.

– Что за щедрость? – спросила она, как можно безразличней.

– Щедрость! – гостья хмыкнула. – Да ты не стой, как чужая, помоги на стол накрыть.

Маша недовольно окинула взглядом молчавшего отца. Тот смотрел в окно с полным безразличием к происходящему, про свой же вопрос, адресованный ей, казалось, и вовсе забыл. Курил свой крепкий красный Бонд и не обращал никакого внимания на то, что происходило перед его носом.

Маша вздохнула, принялась помогать – протерла липкий стол, разложила колбасную и сырную нарезку по тарелкам, высыпала из банки маринованные грибы на блюдо, вынула из упаковки копченую рыбу. Рыжая тем временем отварила картошку, поставила обгоревшую курицу посреди стола.

– А что? Отличненько получилось! – она довольно потерла ладони, окидывая взглядом накрытый стол. – Выпьешь с нами? Вина? Немножко?

Рыжая, которую в миру звали Татьяной, толкнула Машу в бок. Маша охнула.

– В ребро угодила что ли? – засмеялась Татьяна так громко, что даже отец вернулся в реальность.

– Я несовершеннолетняя, а вы меня споить решили?

– Я думала ты старше. Ну, давай, ешь, а то светишься! Кожа да кости! Вроде и мордашка у тебя симпатичная и рост модельный, но тощая!

Маша села за стол.

– Так что, выпьем? Вино сладкое, точно морс...

– Нет.

– Да ладно тебе!

– Нет, я сказала! – Маша положила на хлеб кружок колбасы, откусила, взяла со стола тарелку с картошкой и бросила в нее кусок рыбы. – Если вам так хочется выпить, можете сделать это у себя дома. Дверь открыта.

– А ты еще и неблагодарная какая! – возмутилась Татьяна, сузив глаза. Поддалась чуть вперед, окинула ее холодным колким взглядом и прошипела: – А ну пошла отсюда!

– Серьезно? С собственного дома? – Маша сжала в руке тарелку с едой, бросила в нее еще пару кружков колбасы. – Пап, ну что ты молчишь?

Отец повернул голову, перевел свой стеклянный взгляд на Татьяну.

– А что вы ссоритесь? – он затушил окурок. – Зачем ты споришь?

– А кто она такая чтобы говорить мне что делать? – Маша с грохотом поставила тарелку обратно на стол. – Пришла к нам в дом, командует! А ничего, что она здесь никто и звать ее никак?

– Маша, перестань, – поморщился отец, потирая виски. – Что ты кричишь так?

– Я хочу, чтобы она ушла! Маме бы это не понравилось!

– Твоей матери больше нет. – Прошипела Татьяна и приблизилась к Маше. – А ну иди отсюда, и не мешай отцу отдыхать. Неблагодарная, какая она у тебя, Миша! Ты посмотри-ка на нее!

– Маш, ну зачем ты так? – Отец поднялся, подошел, встав между ними: – Татьяна, права, я со смены пришел, еле отработал, сил ведь нет никаких, и ты еще кричишь.

– Ты что такое говоришь? – Маша отшатнулась. – Сил нет, потому что пьешь!

– А ну не спорь с отцом, бесстыжая!

– Да пошла ты!

– Маша! – заревел отец.

Все разом смолкли. В повисшей тишине лишь тикали настенные часы. Капала вода из крана.

Маша затравленно посмотрела на него, затем на ненавистную Татьяну. В глазах отца залегла злость и усталость, а в глазах гостьи – торжество от победы. Маша оттолкнула руку отца, что тянулась к ее плечу и вышла.

До самого утра с кухни доносились звуки музыки, пьяный смех Татьяны и неразборчивое бормотание отца. Ночью, входная дверь хлопала каждые полчаса – приходили и уходили гости, собутыльники, новые друзья и откуда они только берутся?.. Так продолжалось до рассвета, пока, наконец, в дом снова не приехал вызванный соседями наряд милиции...

... Сентябрь и начало октября пронеслись как во сне, тусклые дни, холодные ночи, похожие друг на друга, тоска в сердце и глазах, лишь к концу ноября, Маша окончательно пришла в себя и немного расслабилась. Дома ничего не менялось – отец продолжал все так же пить, пропускать работу и приводил в дом малознакомых людей, абсолютно перестав обращать внимания на Машу, словно ее не было рядом, словно они не жили под одной крышей, словно он никогда не знал, что значит быть отцом. А когда-то, она помнила, называл ее своей маленькой принцессой, любимой девчонкой и обещал, что никогда не предаст.

Но однажды просветление все же нашло на него. Это было в ее день рождение, и в тот же день, что и день рождения матери. Маша не любила этот праздник, от того что в детстве его никогда не отмечали, а ее саму не поздравляли, а теперь и подавно этот день нес лишь грусть и тоску. Она, подавленная и угнетенная с самого утра, старалась как можно дольше находиться на учебе, оттягивая всеми мыслимыми и немыслимыми причинами поход домой. Ей восемнадцать. Взрослеет. Живет. А мама навсегда осталась молодой.

Возвращалась с училища поздно, ожидая в доме пьяных гостей. Казалось бы, так оно и должно было быть, но отец оказался трезв. Дома. Один.

– Дочка, ну что ты стоишь? – Он мельком выглянул с кухни, загремел посудой, снова показался в проеме. – Ну чего ты встала, как вкопанная? Случилось чего?

Маша вздрогнула.

– Что происходит? – она нахмурилась, с интересом и одновременным беспокойством заглянула на кухню, на которой был хоть не идеальный порядок, но намного чище, чем прежде.

– Как что?! – Отец словно удивился и обиделся, отодвинул стул, кивнул дочери: – Садись, а то курица остывает. Я тебя ждал, сам с утра ничего не ел. Поужинаем по-семейному.

Маша села.

– А где твои друзья?

– Да какие друзья, Маш?! – отец суетился, бегал от плиты к столу и обратно. От нее не скрылся нервный блеск в его глазах и заметная дрожь в руках от похмелья. – Погнал их сегодня прочь! Такой ведь день сегодня! И твой и мамкин. Ты помнишь хоть, Маш?

Отец, наконец, сел, провел ладонью по взмокшему лбу, кивнул на запеченную, на подносе курицу.

– Порежь ее, а то у меня руки совсем не слушаются.

Она встала, взяла нож.

– Про день то помнишь?

Маша резко обернулась к отцу, застыв у плиты с ножом в руке, смерила его долгим взглядом. Постаревший, похудевший и посеревший на лицо, совсем другой, почти чужой...

– Конечно, помнишь! Что ж я такое говорю! – он ударил себя ладонью по лбу. – Совсем с ума схожу. Поздравляю тебя, дочка. Ох, время бежит, года несутся! Кажется, только ходить училась, за руки нас держала, а уже взрослая. Столько всего упустили, так мимолетно все пронеслось...

– А все от твоей пьянки.

Она поставила перед отцом тарелку с курицей, села на стул напротив и заплакала, не в силах больше сдерживать себя. Отец от неожиданности охнул, потянулся к ней, провел ладонью по волосам.

– Пап! Обними меня!

– Если бы ты знала, Маша, как мне плохо без нашей мамы. – Отец сильнее прижал ее к себе.

– Ты думаешь, мне хорошо? Почему ты не думаешь, обо мне? Я ведь потеряла мать и теряю тебя!

– Ну что ты такое говоришь? Я ведь всегда рядом с тобой.

– Обещай больше не пить!

– Да я ведь и не пью, дочь. Это все так, от горя.

Маша снова шмыгнула носом, закрыла глаза.

– Не плачь. Давай лучше поужинаем, стынет же.

Маша отпрянула от него, попыталась поймать его взгляд.

– Сегодня же ты не пил, так не пей и завтра.

– Баба Лида завтра приезжает, помнишь, я тебе говорил, моя тетка двоюродная. Ты видела ее летом на даче, года три назад.

Маша кивнула, вспоминая. Действительно, когда-то у них и дача была, всего несколько лет назад, а кажется, давно и не правда.

– Вот приезжает, надо бы встретить, вот и не пью. Да и не буду больше.

– Причина только в приезде тетки?

Ей так хотелось услышать, что настоящая причина в ней, в Маше, в его дочери, в его отцовской любви к ней, но отец промолчал, откусывая кусок от курицы.

Она тяжело выдохнула, положила кусок мяса себе на тарелку.

– Ну что ты так тяжело вздыхаешь, Машенька? – он протянул руку и положил свою большую ладонь на ее пальцы. – Все наладится у нас.

Она пожала плечами, но на сердце, скованным до этого долгим одиночеством, вдруг потеплело, и в душе затеплилась надежда.

– Почему мама так рано ушла от нас?

Отец выдохнул:

– У каждого своя судьба, значит, так должно было быть. Мама знала о болезни и была готова.

– Я не знала.

– Так было лучше, чтобы ты не волновалась.

– Конечно.

Разговор обреченно свернулся. Доедали молча, в сковывающей неловкостью тишине. Родные по крови, но почти чужие.

Отец откашлялся, Маша вскинула голову.

– Как у тебя дела в училище? – Он, словно, чувствуя вину, потупил взгляд, чуть нервно дернул плечом. – Я денег тебе дам завтра, купишь, что надо для занятий, хорошо?

– Хорошо.

– Тебя не обижают? – вдруг спросил он, и Маша удивленно распахнула глаза, в тон ему нервно дернула плечом.

– Нет. С чего такие вопросы?

– Да просто подумалось. Подростки бывают неоправданно жестоки, как и сама жизнь. А у тебя сейчас такой возраст. – Отец хмыкнул, так и не осмелившись посмотреть ей в глаза. – Но даже если кто-то тебя не понимает, или смеется, – он на несколько секунд замолчал, – люди же разные, ты главное всегда помни, что это все не важно. И если тебе грустно, больно или одиноко, помни, что и это пройдет. Ты ведь знаешь, что за дождем всегда наступает солнце, так и в жизни – любая неприятность проходит и забывается.

Весь следующий день, что она провела на учебе, из головы не выходила мысль о приезжающей родственницы.

Что ей надо от них?

Маша искренне не понимала. Она помнила Лидию, как вечно чем-то недовольную пожилую ворчунью, которая дожив до своих лет, не имела ни семьи, ни ребенка, ни котёнка. И зачем она приезжает? Учить их уму разуму? Так они и сами разберутся, без посторонних. Вот если только она заставит отца бросить пить, в чем Маша искренне сомневалась. Видимо, возьмется за нее, решив перевоспитать, отца уже не исправить, а Маше учителя дома совсем не нужны.

Баба Лида у них дома – во всех трех окнах квартиры горит свет, видимо, проводит ревизию. Точно она, отец в Машину комнату никогда не заходит.

Маша села на лавочку у одного из подъездов дома напротив и вновь посмотрела на свои окна – идти домой, совсем не хотелось.

– Котовас!

Она обернулась. Ее одноклассник Игорь стоял на углу дома.

– Подойди ко мне.

Маша нахмурилась:

– Зачем?

Он усмехнулся, покачал головой, снова махнул ей рукой.

– Говорю, подойди, значит, подойди.

Маша нехотя поднялась с места. Внутри смутные предчувствия чего-то нехорошего, но она зачем-то подчиняется. Между ними уже всего несколько метров и она отчетливо понимает, что он пьян.

– Игорь! – вскрикнула она, когда он резко схватил ее за руку. – Ты чего? Отпусти, мне же больно!

– Да ладно тебе, что ты орешь? Поговорить надо. – Он впихнул ее в темный подъезд.

– О чем? – она бегло осмотрелась и, заметив тусклый свет из двери, ведущей в подвал, попыталась уйти. Но он снова схватил ее, больно сжав руку.

– Вниз спускайся.

Маша хмыкнула, в надежде, что он шутит. Она прекрасно знала, что происходит в этом доме – бывшем заводском общежитии, наполовину расселенном, ныне – пристанище всей неблагополучной молодежи всей округи.

– Игорь, я никуда не пойду. Отпусти, мне больно.

Но одноклассник, словно не слышал ее, за поволокой его глаз блеснул огонек азарта.

– Иди, Котовас, не выделяйся.

Он толкнул ее в грудь и она, охнув, оступилась. Дверь подвала, ступеньки вниз. В нос бьет запах сырости и гнили, слышна тихая музыка и смех парней. Маша обернулась – Игорь перегородил ей выход и, криво улыбаясь, снова толкнул вперед.

– Иди, давай, достала уже!

– Игорь, мне надо домой. – Маша попыталась обойти его, но парень вдруг размахнулся и ударил ее по лицу.

Маша взвизгнула, закрыв рукой полыхающую щеку. Глаза защипали от слез. Она все еще надеялась, что он шутит, но весь его вид утверждал обратное. Тогда она попыталась ударить его в ответ, но он перехватил ее руку и с силой сжал запястье.

– Тебе не надо домой. – Он криво усмехнулся, расстегнул свою куртку – золотая цепочка блеснула в слабо освещенном коридоре. – Я же прекрасно знаю, что дома тебя никто не ждет. До тебя никому нет дела, особенно твоему пьянице отцу. Чего ты сопротивляешься? Просто посидишь с нами. Женского общества, не хватает, понимаешь?

– Я никуда не пойду. – Маша вздрогнула, когда послышался разноголосый мужской смех.

– А кто тебя выпустит? – тихо ответил Игорь и вновь усмехнулся. Улыбнулся и стал похож на старшего брата. – Ты пойдешь со мной и будешь делать то, что я скажу. Лучше расслабься, тебя все равно никто не спасет. Моего брата, как видишь, здесь нет.

Маша обмерла, Игорь же зашелся смехом, сказал, хрипло:

– Ты – жалкая оборванка и мой Макс? Смешно ведь. И чего ты бегаешь только за ним? А он же такой – добрый и воспитанный, не может тебя сам послать, а ты не понимаешь, что давно пора отвалить от него! Но ничего, хочешь, я тебя приласкаю? Я же его брат и мы даже похожи.

Его глаза недобро заблестели, и сейчас, в этом полумраке дурно пахнущего подвала ей действительно стало страшно.

– Что ты задумал? – Маша инстинктивно обхватила себя руками.

– Ты же поняла. – Он облизнулся и сделал шаг в ее сторону. Он так близко, что она ощутила его запах – одеколон вкупе с сигаретами и мятной жвачкой.

– Не трогай! – она почувствовала его руки у себя на бедрах, шею обожгло горячее дыхание.

– Игорь, отпусти.

– Молчи! – он просунул свою руку ей под свитер. – Молчи, по-хорошему, а то сделаю больно! Давай, иди вниз.

Он слегка подтолкнул ее.

– У нас гости, мне надо быть дома. И я не хочу ничего пить.

– У вас каждый день гости! – Игорь издевательски усмехнулся. – И я тебя не курить и пить зову, глупая! Мозги то уже включи! Пора взрослеть, Машка!

Снова толчок – она на ступеньку ниже. Впереди труба и Маше пришлось пригнуть голову, чтобы пройти. Тусклый желтый свет ударил прямо в лицо, Маша на мгновение зажмурилась, а когда глаза привыкли, вздрогнула – в небольшом помещении на полу вдоль стен сидели ребята: ее одноклассники, парни постарше из местного училища. Десяток пар глаз уставились на нее и все, как по команде, ухмыльнулись.

– Просили, девку, получайте! – Заржал Игорь.

– Это же Котовас! – толстый Матвей недовольно затянулся сигаретой.

Руслан, как всегда, сидевший в обнимку с гитарой, тоже поморщился:

– Это же Машка-промокашка, мы с ней пели здорово! – он ударил пальцами по струнам. – Маша – два рубля и наша?

Леня, ее одноклассник, наоборот обрадовался:

– Я и не думал никогда Котовас, что ты на такое способна. Долго Игорек уговаривал?

– Ребят, можно я уйду?

Маша сделала несколько шагов к выходу.

– Да ладно, пусть идет. – Сказал Руслан, убирая гитару и поднимаясь с низкого топчана. – Я же говорил тебе Игорь, девчонок с медучилища веди, они безотказные. И вообще, давайте еще выпьем?

– Ага, за пиво всегда согласны. – Заржал Леня.

– А меня и Котовас устраивает. – Мелкий Матвей подошел к Маше и с размаху шлепнул ее по попе.

Маша успела ударить его по руке, но Игорь, стоявший рядом, схватил ее сзади и прижал к себе.

Маша вскрикнула.

– Да заткнись ты! – Матвей, пошатываясь, подошел к ней, протянул руки, но она пнула его ногой. Парень взвизгнул и наотмашь ударил ее по лицу.

Боль обожгла губы, все повязло в жутком тумане, голову наполнил шум. В глазах потемнело. Маша, что есть сил, закричала, но ее крик потонул в пьяном смехе присутствующих. Игорь продолжал держать ее, пока противный Матвей беспрепятственно просовывал свои руки ей под кофту.

Звонкий стон оборванной гитарной струны вернул её в реальность.

– Да ладно, ребята, хватит! – Руслан отпихнул Матвея от Маши, положил свою руку на плечо Игорю. – Отпусти ее, пусть идет.

– До нее все равно никому нет дела. Она же специально выламывается.

– Иди, Котовас. – Сказал Руслан, разжимая руки Игоря. – Они немного не в себе, завтра никто из них ничего не вспомнит.

Он подтолкнул Машу к выходу и она, не веря своему счастью, опрометью бросилась вверх по лестнице. На улице сильный порыв ветра растрепал ее выбившиеся из-под резинки волосы, охладил горящее лицо, осушил влажные от слез глаза. Она несколько раз глубоко вдохнула, попыталась унять дрожь в теле и успокоиться. Шутка. Это была просто дурацкая шутка! Не стоит воспринимать всерьез. Руслан прав, они просто перебрали с алкоголем.

Маша посмотрела на окна квартиры – ее ждут дома. Она еще раз выдохнула и бегом бросилась к подъезду.

В доме пахло жареной картошкой и сигаретами. Отца не видно, зато приехавшая к ним баба Лида сидела на кухне.

– Здравствуйте. – Маша вошла на кухню, вытерла ладонью лицо.

Родственница окинула ее колким взглядом, протянула задумчиво:

– На мать похожа.

– Наверное. – Маша пожала плечами, взволнованно вздохнула. – Вы надолго к нам?

Маша переминалась с ноги на ногу, подумав, что в их доме, снова зажегся огонек уюта.

– Только ты выше матери.

Баба Лида вынула из футляра очки, надела на нос, снова окинула ее взглядом.

– Почему дома такой бардак? Ленишься? – она, как показалось Маше, недобро закачала головой.

– Я убираюсь. В моей комнате всегда чисто, а здесь не уследишь. – Маша хмыкнула. – Слишком много гостей, которые ходят в обуви, не разуваясь, и тащат всю грязь к нам в дом. Надоели они мне.

Она прошла к плите, заглянула в сковородку, взяла тарелку с полки. От запаха еды свело желудок.

– А руки мыть? – строго спросила пожилая родственница.

– Да они чистые! И потом, зараза к заразе не пристает. – Отшутилась она.

Бабка недовольно закачала головой.

– Я сегодня еще ничего не ела, – перестала улыбаться Маша, поняв, что ее шуток никто не оценит. Минута молчания и внимательных обоюдных взглядов. Маша выдохнула и под тяжелым взглядом сиплой старухи с хвостом седых волос на голове, все же сполоснула руки в кухонной мойке.

И что она сидит, злится? И кто ее только звал? Без нее тошно...

Маша вернулась к столу, быстро съела картошку, стараясь не смотреть на родственницу, затем ополоснула тарелку и молча удалилась в свою комнату, как бы давая понять – тебя здесь такую злую и недовольную – не ждали. Но не прошло и пяти минут, как дверь в комнату Маши распахнулась, и баба Лида без приглашения вошла. Маша грустно посмотрела на шпингалет – надо было им воспользоваться, одарила взглядом бабулю, продолжая невозмутимо курить, сидя на подоконнике.

– Так ты еще и смолишь? – баба Лида вновь недовольно закачала головой, села на Машину кровать, старые пружины скрипнули.

– Курю. – Маша безразлично кивнула.

– Зачем?

Маша усмехнулась, прильнула к окну – через двор, пошатываясь, шел отец. Выпил, все-таки...

– Что значит, зачем? – Маша обернулась к ней, спросила с вызовом: – А зачем пьет отец? А зачем умерла мама? А зачем мне такая жизнь? Одни расстройства вокруг.

– У тебя вся жизнь впереди.

– Все так говорят, только что-то чем дальше, тем хуже. Сегодня, вот, например...

В дверь позвонили, Маша замолчала, затушила окурки:

– Это отец.

– Неужели, явился!

Родственница нехотя поднялась и пошла открывать, а Маша поджала губы, посмотрела в окно – все тот же двор за окном, все тот же вид: вот только та береза у песочницы, совсем стала большой, а когда то Маша видела ее совсем маленькой веточкой.

– Мишка, ты совсем запился? И девушку свою забросил!

Услышала она, доносившиеся из коридора наставления бабы Лиды. Отец что-то в ответ невнятно бубнил, и Маша, спрыгнув с подоконника, закрыла дверь на шпингалет. Видеть отца, который вновь не сдержал своего обещания – не хотелось, как не хотелось и вести разговоры о своем воспитании с приехавшей родственницей.

Только оставшись одна, она, наконец, расслабилась и смогла подумать о произошедшем. Было противно и мерзко, казалось, она до сих пор ощущает на себе их похотливые взгляды и слышит издевательский смех. Ненависть и отвращение – вот что, она почувствовала вспоминая об этом, а потому она быстро сняла вещи и, схватив полотенце, отправилась в душ. Хотелось смыть весь позор и страх, но как она ни старалась, избавиться от чувства отвращения не получалось, тогда она обессилено села на дно ванны и заплакала, подставляя лицо под потоки воды, еще не зная, что самое жуткое ее ждет впереди.

Глава 8. Вечеринка в аду

В училище, как и ожидала Маша, Игорь и Леня, никак не комментировали свое поведение по отношению к ней. Может, прав был Руслан, когда говорил, что они ничего не вспомнят, а может, это просто для них норма. Но все же, она периодически ощущала на себе взгляды то одного, то другого. Если Леня особо не напрягал, то Игорь смотрел с ухмылкой, словно что-то замышляя, но вовремя появившиеся на горизонте Надька и ее подруги, быстро переключили его внимание на себя. Вот и отлично.

Отсидев, как и положено все пять пар, Маша собралась забежать к Гале, которая отсутствовала на занятиях по причине простуды. Сдав реферат по истории, она спустилась на первый этаж, зашла в туалет, в котором всегда кто-то крутился у зеркала, собрала на голове хвост, окинула себя взглядом: глаза коричневые, точно кофе, ресницы длиннющие из-за туши, которой когда-то красила ресницы мать, губы алые, но не от помады, а просто от осеннего ветра. Наряд оставлял желать лучшего: серая растянутая на локтях кофта и черные свободные брюки – наследство от матери.

Холодный ветер кричал о наступлении осени, не добро хлестал по лицу, лез за шиворот, хватал за длинные худые ноги. Маша в очередной раз поежилась и, подняв воротник тонкой куртки, ускорила шаг. Уже на углу здания, где на красном кирпиче красовалось неприличное слово, она вспомнила, что забыла в аудитории учебники. Но возвращаться не стала, что и сыграло, возможно, с ней роковую шутку.

Жизнь – череда случайностей и комок мелочей и знаков. Не заметив один, упускаем шансы, дарующие самой судьбой. Вот и сейчас, Маша не повернула обратно, а свернула в сквер и уже спустя несколько минут таймер был запущен. До переломного момента жизни оставалось два часа.

Маша нахмурилась. Показалось, что сзади ее кто-то окликнул. Но ветер завывал с такой силой, что она дернула головой, решив, что ей показалось. Секунда и боль пронзает руку.

Она вскрикнула и резко обернулась – ее одноклассник Лёня довольно ухмылялся.

– Больно, чего щиплешься? – Маша инстинктивно попятилась.

Леня оскалил белоснежные зубы, ухмыльнулся и нагло кивнул:

– Сегодня вечеринка на нашем месте. Ты приглашена.

Маша вспомнила сырой подвал, сморщила нос:

– Дуру нашел? Отстань!

– Машка, я серьезно. – Он резко сделал шаг вперед и схватил ее за рукав куртки. – Лучше сама иди. Да-да, не смотри так. Иди, давай, я провожу.

– А то что? – с вызовом спросила она и с силой ударила его в грудь, отталкивая.

– Я вижу, ты совсем ничего не понимаешь? – он вдруг схватил ее за волосы, дернул в сторону теплицы.

Маша отчаянно вскрикнула, напуганная таким поворотом:

– Леня, ты псих? Отпусти, мне больно!

– Замолчи, Котовас!

Она дернулась, но живот обожгло болью, дыхание перехватило – ни вдохнуть, ни выдохнуть. И сама не поняла, как упала на колени, жадно хватая ртом воздух.

– Ты что? – изо рта не голос, а хрип.

– Я же тебя предупреждал. – Прошептал он на ухо. Но даже при таких порывах ветра она слышала его зловещее предостережение. Она посмотрела на него в изумлении, все еще отказываясь верить в происходящее. Дыхание помаленьку восстанавливалось, боль в животе отпустила. Его глаза лихорадочно блестели от низкого чувства превосходности и безнаказанности. Он знал, что ему не ответят тем же, и это чувство приносило ему удовлетворение.

– А ты не слушаешь меня, Маша. Нельзя так. Вставай, пора идти.

Он потянул ее за капюшон серой куртки. Она хоть и была выше его почти на голову, от страха послушно сникла и подчинилась.

– Зачем я вам?

Она плелась следом, уже не чувствуя от боли руку, которую он крепко сжимал. Он весело хмыкнул, покосился на нее насмешливым взглядом.

– Ты серьезно? Еще не поняла? – он остановился и ухмыльнулся ей в лицо. – Сегодня наш рыцарь Руслан тебя не спасет, потому что его там нет.

Он засмеялся, а глаза блестящие от безнаказанности расширились от предвкушения.

– Лень, это не смешно.

– Да ладно тебе! – он снова дернул ее на себя. – Не строй из себя недотрогу.

Внутри рассыпалась дрожь непонимания – неужели он говорит серьезно? Она вспомнила ухмылки на их лицах и блеск от похоти в глазах. А что? С них станется. Они и не на такое способны.

– Я не буду ни с кем спать.

– А спать не надо. – Он громко засмеялся и на мгновение ослабил хватку.

Маша резко дернулась и истошно закричала, привлекая внимание немногочисленных прохожих.

– Помогите, он пристает ко мне!

Женщина с огромной клетчатой сумкой остановилась неподалеку от них:

– А ну, отпусти ее! – прокричала прохожая, но Леня, спокойно и громко ответил:

– Женщина, идите куда шли. У нас все нормально.

– Отпусти ее, мерзавец!

– Да это моя сестра! – Леня сильнее сжал её руку, выкручивая. – Домой веду. Постоянно пропускает школу и гуляет не понять где! Видите, какая грязная? Мать места не находит, а этой лишь бы погулять.

Женщина окинула внимательным взглядом испуганную Машу, посмотрела на хорошо одетого и опрятного Леню, снова на Машу – на большую не по размеру куртку, на грязные от недавнего падения брюки, на старые истоптанные кроссовки, укоротительно покачала головой и потеряла к ним всякий интерес.

Она хотела закричать – куда же вы?! – но в горле предательски пересохло.

– А ты, сейчас, за это ответишь!

И снова удар в живот исподтишка, и снова нечем дышать, и темнеет в глазах, подкашиваются ноги. И вот она уже не чувствует земли под ногами, ее закидывают на плечо, словно мешок с картошкой и несут в суший ад...

... Сколько раз Лёня ударил ее, Маша уже не считала. Боль в очередной раз обожгла лицо, она упала на пол, почувствовав во рту солоноватый вкус крови. Лампочка с желтым светом раскачивалась под потолком, трубы шипели и сквозь горячий пар, она снова увидела взмах руки. Снова боль и металлический привкус во рту. А потом пришли еще двое, и захотелось умереть. Она думала только об этом, пока лица над ней сменяли друг друга. Истошный запах алкоголя, табака, чужие слюны на ее лице и теле. А потом снова боль и она летит в темноту – вот и отлично! Лишь бы не чувствовать и не слышать. Противно и больно.

Все вокруг кружилось в туманном мареве. Маша с трудом открыла слипшиеся от слез глаза, но тут же зажмурилась от тусклого света. Рядом – сопение и храп, тихая музыка, шипение старых труб и шум воды.

Она повернула голову – Игорь и Лёня спали, растянувшись на замасленном высоком топчане, точно на таком же лежала и она. В углу на табуретки стоял недопитый портвейн, шумел сбившийся радиоприемник – кажется, еще несколько часов назад, когда на ее лице

кровь смешивалась со слюнями Игоря, из этого приемника лился веселый мотивчик модной попсовой группы.

Машу замутило. От головокружения она вновь упала на спину и застонала от боли, что взрывной волной разлилась по телу. Он толкнул ее в этот подвал и словно озверел – тащил за волосы вниз по крутым ступенькам, завалил на спину, набросился, точно зверь, и все шептал на ухо – да брось ты, мы просто поиграем...

Маша выдохнула, облизнула пересохшие губы. Не без усилия села, стараясь не шуметь поднялась. Ноги не слушались, ссадины на коленях от бетонного пола кровоточили. Она закусила губы и сделала несколько шагов к выходу, подхватила с пола свои вещи, зажмурилась от вновь накатившихся слез. Осторожно, стараясь не задевать разбитые коленки, натянула брюки, куртку прямо на голое тело. Свитер был разорван на лоскутки.

Шаг. Второй. Третий. Сердце стучит в висках. Спасительная дверь подвала открыта! Выдох облегчения.

Холодный ветер ударил в лицо, заставил прийти в себя. На улице непроглядная ночь. Одиноким фонарь тускло освещает угол дома, моргает, словно насмехаясь. До её дома сто метров, но путь кажется невыносимо долгим – полчаса медленных шагов.

Дверь в квартиру заперта изнутри, пришлось стучать в дверь – звонок давно уже не работал.

– Кто там? – Голос родственницы чужеродно вторгся в сознание. Маша поморщилась – еще один лишний элемент в ее жизни.

– Это я, Маша. Откройте.

– И где тебя носит?

Щелкнул замок, дверь со скрипом распахнулась. Тетка сдвинула к переносице седые брови, сморщив и без того морщинистый лоб.

– Где ты была? Это, по-твоему, нормально, не появляться ночами дома? Как можно себя так вести, в твои-то годы?

– Можно я пройду? – устало спросила Маша, опираясь о стену.

Родственница отступила, давая войти в квартиру, засемила следом, когда та направилась в ванную.

– Откуда ты явилась такая грязная?

– Из преисподней.

– Что?

Маша попыталась закрыть за собой дверь ванной комнаты, одновременно скидывая с себя пропахшие подвалом вещи, но баба Лида предусмотрительно подставила под дверь ногу в коричневом отцовском тапке.

– Что это у тебя на спине? – вновь нахмурилась родственница, ахнула, разглядев синяки.

Маша поспешно прикрыла грудь руками.

– Ничего.

– Да как же? – всплеснула руками баба Лида. – Тебя кто это так? Милицию надо вызвать!

– Меня никто не трогал! Можно я спокойно приму душ? – Маша нервно дернула дверь на себя.

– Но...

– Отойдите!

– Бесстыжая!

Маша захлопнула дверь, задвинула шпингалет, включила горячую воду. Любое движение приносило боль и дискомфорт. Стоя, босыми ногами, на ледяной плитке пола, провела ладонью по уже слегка запотевшему зеркалу – зрелище дикое. Тонкие и длинные, словно спички, ноги, с заметными ссадинами и синяками, узкие бедра, тонкая талия, слегка округлившаяся грудь,

лицо с острыми скулами, дрожащие губы и испуганные карие глаза. Они, на бледном худом лице, казались огромными, словно озера темной воды.

Противно. С отчаянием провела рукой по своему отражению, откинула с лица волосы, встала под горячую воду. Вода бьет по спине, и Маша жмурит глаза от боли. Видит себя, словно со стороны и не может в это поверить – за что ей столько боли и унижения. Перед глазами моменты жуткой ночи – Игорь хватает ее за волосы, толкает и она ползет по мокрому грязному полу – все вокруг в воде, разлитом пиве, слюнях и брошенных окурках, как же противно! Вот он уже толкает ее на грязный топчан, Маша падает, словно тряпичная кукла, безвольно, не сопротивляясь, больно ударяется коленками об пол.

– ...Раздевайся!

Голос Игоря эхом раздается в голове. Она подчиняется, но лишь тогда, когда голова наполняется туманным гулом от удара...

Маша встряхнула головой, сбрасывая с себя наваждение прошедшей ночи, облокотилась о стену ванной комнаты, потрогала затылок – болит и, кажется, шишка. Она снова зажмурилась, до боли закусив губу, снова очутилась в темном подвале: вот он, мерзкий и противный Лень, карабкается по ней, заламывает руки, больно кусает грудь, водит своими руками по ее ногам и бедрам. Боль и темнота. Ненависть – какое отличное чувство, сильнее, чем любовь...

Маша всхлипнула и задрожала, схватила с полки мыло и щетку и с остервенением начала тереть свою кожу. Она хотела не просто смыть пот и грязь, она больше всего на свете желала смыть эти жуткие воспоминания...

– Давай поговорим. – Сказала родственница, едва Маша вышла из ванной.

– Я хочу отдохнуть. Я устала.

– Отчего ты устала?

– Я не хочу сейчас разговаривать!

Маша направилась в свою комнату, но дверь закрыть не успела, родственница появилась в дверях.

– Мария, – сказала она, поправляя очки, – я хочу помочь вам, но вы оба как будто не желаете ничего менять!

– Я не думаю, что отец бросит пить.

Маша обессилено села на кровать, завернулась в одеяло.

– С отцом я еще побеседую, – Баба Лида сощурилась. – Ну а ты бросишь свои гулянки?

Маша хмыкнула:

– Мне нечего бросать.

– Вот, и отец твой так же говорит. – Баба Лида, наконец, вошла в комнату и села на старенькое кресло у шкафа, как раз напротив Машиной кровати. Кресло жалобно скрипнуло и в воздух поднялось небольшое облачко пыли, поблескивая при свете. На этом кресле уже тысячу лет никто не сидел. – У вас столько неоплаченных квитанций за коммунальные услуги, за несколько месяцев уже накопилось!

– Раньше этим занималась мама.

– А теперь займись ты. – Родственница снова поправила очки.

– А деньги, где я возьму? – Маша недовольно цокнула, почувствовала, что хочет курить и машинально посмотрела на подоконник, на котором когда-то лежала пачка сигарет. – Отец все пропивает со своими друзьями.

Баба Лида замотала головой, сказала с полной уверенностью в голосе:

– Его скоро выгонят, уволят и все.

Маша устало кивнула, соглашаясь. Она и сама об этом часто думала:

– Его и так уже перевели в вечернюю смену на пол оклада.

Она залезла на кровать с ногами, укуталась в одеяло до самого носа. Чувствовалось, что в квартире дали отопление, но ее все равно знобило.

– Я устала, можно я останусь одна?

Родственница даже не пошевелилась, игнорируя ее просьбу, вместо этого строго спросила:

– Так, а почему ты не ночевала дома?

– Я была у подруги, – соврала Маша, закрывая глаза. Хотелось забыться крепким сном. – Я устала, хочу отдохнуть.

– От чего?

– Можете выйти?

– Да у тебя ни стыда, ни совести!

– Да уйдите вы уже! Прошу Вас!

– Уйдите вы уже! – передразнила ее родственница. – Шалава малолетняя! Вот никакого желания у меня нет, с тобой возиться! Бессовестная и неблагодарная!

– Да, да, да. – Маша легла, свернулась калачиком, поворачиваясь к стене.

– Еще, посмотри, передразнивает она!

– Мне плевать, ясно вам? Уходите, я вас ни о чем не просила! И на минуточку: мне исполнилось восемнадцать, а значит, я уже давно и не малолетняя. Я взрослый человек! А сейчас, идите вон!

Дверь захлопнулась с такой силой, что Маша услышала, как от косяка отваливается кусок краски. Она обернулась – и действительно, облупившаяся краска дверного проема отвалилась. Маша быстро поднялась и закрыла дверь на шпингалет, надеясь, что ее больше никто не побеспокоит.

Она проспала до глубокого вечера и проснулась только оттого, что на кухне громко заиграла музыка. Она вздрогнула, открыв глаза. Осмотрелась в темноте комнаты, подождала, пока глаза привыкнут к полумраку, поднялась с кровати. С кухни доносились голоса и смех, неужели баба Лида такое терпит? Маша накинула на себя старый халат, обулась в тапочки и вышла в коридор.

– А где баба Лида? – удивлённо спросила она, обращаясь к пьяному отцу, сидевшему за столом на кухне.

– А! – отец махнул рукой. – Уехала.

– Как уехала? – Маша облокотилась о стену. – Она же только приехала к нам. Насовсем уехала?

– Да. Надоело, говорит с вами возиться. – Отец засмеялся. – А нам и без нее хорошо, правда, ведь Маш?

– Ясно. – Маша отошла от двери на кухню, пропуская рыжую Татьяну, которая по-хозяйски вышла из ванной комнаты и прошла к отцу за стол.

– Ой, Машка, а с лицом, что у тебя? – Татьяна вставила в рот с желтыми зубами сигарету, подкурила, одновременно с отцом посмотрела на Машу.

– Упала. – Ответила Маша, отмахнувшись.

Такая причина вполне удовлетворила и Татьяну и отца и они тут же потеряли к ней всякий интерес, переключившись на общение, друг с другом. Маша печально усмехнулась, отметив, что отец осунулся и похудел. А беседа с Татьяной, пожалуй, интересовала его куда больше, чем жизнь дочери.

– Пап? – Отец никак не отреагировал. – Пап! – закричала Маша.

– Что? – спросил он, наполняя рюмки коньяком.

– Тебе нет до меня никакого дела! А может, у меня проблемы!

Отец нахмурился, посмотрел на нее:

– А что случилось? – спросил он, отставляя бутылку коньяка в сторону.

– Ну, наливай же! – возмутилась тут же Татьяна, отбирая бутылку, повернулась к Маше: – Да какие у тебя могут быть проблемы? Жениха если только нашла! Да и вообще, выпей с нами и проблем не будет! Только отвлекаешь отца по пустякам!

– А ты вообще замолчи! Я не с тобой разговариваю! – взвизгнула Маша, кинула в Татьяну полотенцем, лежавшем в коридоре на стуле.

Татьяна подскочила с места, намереваясь кинуться на Машу с кулаками, но отец успел схватить ее за руку.

– Девочки, перестаньте!

– Это ты перестань! – закричала Маша. – Все, забыл уже о матери? Недолго же твое горе длилось!

– Зачем ты так? – закричал отец, ударил себя в грудь, захрипел: – да я жить без нее не могу и не хочу! А ну пошли вон, обе!

– Ты чего? – возмутилась рыжеволосая гостья, Маша испуганно отступила.

– Пошла вон, я сказал! – отец поднялся из-за стола, с покрасневшим от ярости лицом, указал на дверь: – Вон!

Татьяна, несмотря на лишний вес, быстро выбежала с кухни и остановилась в коридоре за Машиной спиной.

– А все ты виновата, вот, полюбуйся, до чего отца довела!

– Да иди ты! – дернула плечом Маша. – Пап, успокойся. Извини меня.

Отец сел за стол, опрокинул рюмку коньяка, устало всхлипнул, роняя голову.

– Жизнь ни к черту, Маш.

Она подошла, дотронулась до его плеча, вздохнула. Отец помедлил, но все же спросил:

– Что за проблемы у тебя? Расскажи.

– Да так... – Маша поджала губы, посмотрела в окно. – А, ты, помнишь, обещал мне дать денег для учебы – тетрадки, одежду купить. – Напомнила она ему, мысленно представляя, как садится в автобус с рюкзаком и уезжает навсегда в другой город.

– А я не давал разве? – отец нахмурился. – Не помню.

– Нет.

– Выделю, выделю, Маш, но позже. Сейчас нет лишних.

– Ясно.

– Я зайду? – Татьяна сделала шаг из коридора на кухню, Маша усмехнулась, а отец устало кивнул. – Вот и отлично, к чему нервы.

– Действительно. – Маша открыла шкафчик, окинула его скудное содержимое взглядом, взяла из пачки, что стояла здесь уже полгода, черствый сухарик.

Отец тем временем снова переключился на Татьяну, которая что-то зашебетала ему, бурно жестикулируя руками. Маша закрыла глаза, слегка пошатнувшись, подумала – а ведь эти подонки правы – кому она пожалуется? Кто защитит ее и накажет обидчиков? Никто. Или, быть может, пьяный отец? Смешно. Его самого бы кто защитил.

Глава 9. Подарки из детства

Снова слезы.

Боль по телу.

Отчаяние.

И жгучая ненависть к этой чертовой жизни.

– Ма... – Маша сжала зубами подушку до тихого скрежета.

Перед глазами лицо матери, в голове только одна мысль – с каждым днем её жизнь становится все сквернее. Где тот светлый луч, который должен озарить ее путь?..

Ночь выпустила наружу страхи, казалось бы, отступившие днем. И снова эти чувства – страх и ненависть, холодное одиночество, пустота в душе. За окном воет ветер, оконные рамы жалостливо скрипят. Маша дышит прерывисто и вздрагивает от шума ночного ветра.

На кухне что-то звонко гремит, Маша замирает, прислушиваясь. Глаза, еще не привыкшие к темноте, ловят из тьмы причудливые фигуры, внушающие тихий страх, что медленно, но по-хозяйски ползет по коже. Она знает, что это всего лишь плод ее воображения, но тело предательски немеет. На кухне снова звон разбитой посуды, крики Татьяны, дикий, пробирающий до мурашек вой отца.

Маша сползла с кровати, торопливо одеваясь и стараясь не обращать внимания на боль, разливающуюся по телу от каждого движения. Звон стекла. Окно. В дребезги. Душераздирающе закричала Татьяна, батареи разразились громким гулом от стука по ним испуганных и недовольных соседей. Маша дрожащими руками натянула джинсы и свитер, выдохнув, открыла дверь. Свет из коридора озарил ее лицо – большие испуганные глаза и лихорадочный румянец на скулах.

– Что произошло? – ее тихий голос потонул в монотонном гуле пьяных гостей. Она выглянула из-за спины одного из них – отец сидел за столом, по его руке сочилась кровь и тонкой струйкой стекала на пол. Татьяна пыталась перемотать его руку полотенцем.

– Это ты разбил окно? – Маша подбежала к отцу. – Зачем?

Тот пьяно отмахнулся, она, закусив губы, кинулась в гостиную за бинтом и йодом. Страх, что еще недавно сковывал все внутри, отступил. На смену ему пришла ненависть и вырывающаяся из горла, словно раскаленная лава, ярость.

– Ну что же ты делаешь, папа? – с горечью спросила она, возвращаясь.

Маша оторвала кусок бинта, смочила его, стоящей на столе водкой, приложила к руке. Отец молчал, опустив голову, и был настолько пьян, что её просто не услышал. За окном раздался гудок милицеской машины. Снова милиция, и снова к ним. Маша всхлипнула от отчаяния, завязала края бинта и, вытирая окровавленной ладонью слезы, бросилась в коридор.

Бежать! Бежать из собственного дома, чтобы обрести покой. В памяти еще отчетливо сохранилось воспоминание о последнем визите участкового в их дом – бессонная ночь допроса об отце, угрозы о лишении родительских прав, детский дом, колония для несовершеннолетних, тюрьма... Отчего-то участковый видел только одну дорогу ее светлого будущего – исправительная колония для женщин. Он так и повторял каждый раз – в таких условиях, в которых ты живешь, из тебя может вырасти только сорняк – идеальный постоялец исправительной колонии. Маша вспомнила блеск в глазах милиционера, он явно получал удовольствие от страха в ее глазах, и поежилась. Это уже слишком, подумала она, обуваясь в рваные кроссовки, хватая с вешалки ветровку и выбегая в ночь, но по лестнице уже поднимался наряд милиции и, она, стараясь не шуметь, растворилась в темноте подъезда – этажом выше. Когда дверь их квартиры закрылась изнутри, она, на дрожащих ногах побежала на улицу, и только когда ледяной ноябрьский ветер отхлестал ее по лицу, остановилась.

Отчаянье – вот, что сегодня поселилось в ее душе. Она всхлипнула, стиснула зубы, зная наперед – никто ей не поможет. Да и в чем помогать? Все слишком запущено – выхода нет.

Маша поежилась, посмотрела на разбитое окно своей квартиры, оттуда доносились голоса, отвернулась, чувствуя отвращение, побрела к огням проспекта, медленно и устало, точно раненый зверь. Силы вдруг покинули, оставив лишь жгучее, обжигающее все изнутри отчаяние, что бешеной канарейкой металось в груди. Перед глазами возникла картинка: она на мосту, стоит и вдыхает морозный воздух полной грудью. Воздух нравится ей, так приятно покалывает нос, освежает – ей так хочется в последний раз насладиться вкусом мороза и после, наконец, узнать, что такое облегчение. Она смотрит вниз – вода реки черная, мутная, плещется волнами, зовет к себе, может не зря она не умеет плавать, не зря никогда не видела моря. Маша снова смотрит вниз и ей ни капельки не страшно, она знает – всего шаг и она спокойна.

– Мама! – ее собственный истошный крик, визг тормозов, фонари – внезапно осветившие улицу и резанувшие ярким светом по глазам, круглые фары – стремительно приближающиеся.

Она падает на холодный асфальт. Дорога! Она, оказывается, выбежала на дорогу! Дурочка, хотела ведь на мост...

– Сумасшедшая? Больно? – кто-то поднимает ее на ноги, заглядывает в лицо. – Тебе повезло, что я успел остановиться.

– Да хорошо с ней все, просто испугалась. – Совсем рядом еще один голос, но перед глазами размытые круги и она не видит говорящего.

– Маша, да?

Голос кажется знакомым, но не распознается. Маша кивает, перед глазами круги сменяются на рой маленьких точек.

– К Рыжему отведем? – говорит первый. – На улице не май месяц, а она, считай, раздетая.

Вывеска знакомого шиномонтажа, Рыжий – работник Коля, вот о ком шла речь. Машу, как ребенка закутали в теплый плед, посадили на заднее сиденье автомобиля. Заледенелые ноги заныли, согреваясь.

– Выпей, дрожишь вся.

Она посмотрела на своего обидчика-спасителя, взяла из его рук бутылку вина, сделала несколько глотков.

– Но-но! – запротестовал парень. – Напиться решила, что ли? И скажи мне, зачем ты под колеса бросилась?

– Я не бросалась.

– Бросалась. – Сказал он с нажимом, удивленно вскинул вверх свою голову.

Маша отрицательно мотнула головой и вздрогнула – к машине шел Максим. Стук в висках, головокружение, снова плывут круги и ничего больше не слышно и не видно – тугая пропасть тянет к себе. Она трясет головой, а кто-то тянет ее за руку.

– Эй!

Она встряхивает головой. В ее лицо заглядывают сразу двое.

– Ты отключаешься, что ли? – спрашивает обидчик-спаситель, снова сдвигает к переносице черные брови – хмурится.

– Вызови скорую, она головой ударилась. – Второй голос тихий, взволнованный, до боли знакомый – Максим.

– Макс, это ты?

– Да, Маша. – Он улыбнулся, поддался вперед. – Как ты себя чувствуешь?

– Не надо скорую.

– Чувствуешь себя как?

– Уже лучше. – Она не ожидала, но улыбка сама появилась на ее лице.

– Зачем ты это сделала?

Морок спадает внезапно. Слух и зрение – четкие. Она смотрит на него, глаза сужаются от внезапного прозрения. В его голосе укор, упрек, да все, что угодно, только не забота! Глупая! Когда она уже, наконец, перестанет доверять людям, сколько раз уже обжигалась, а все как псина ищет доброты и ласки. И глаза у него такие же синие, с блеском, как у младшего брата, смотрит сурово и сердито. Как же они похожи с Игорем! Противно. Он же его родной брат, значит, они одинаковые!

– Да пошел ты!

Она выкинула руку вперед, вино из бутылки выплеснулось ему в лицо. Маша сбросила с себя плед, открыла дверь машины и бросилась на улицу – бежать, куда угодно, только чтобы остаться одной. Снова слезы, холодными каплями по лицу, превращаясь в ноябрьской стуже в ледяные камни.

– Нет, не трогай меня!

Но Максим схватил ее. Она дернулась и, споткнувшись, упала на землю, упрямо проползла несколько метров и прижалась спиной, к холодному металлу гаража.

– Убери руки!

– Успокойся.

Он протянул к ней ладони, но она со всей силы ударила по ним.

– Убирайся! Что тебе от меня надо? Оставьте меня в покое! – У нее уже не просто слезы – истерика. – Или ты такой же, как твой брат? Ненавижу вас!

– Что ты говоришь? При чем здесь Игорь?

Максим склонился над ней, потянул ее вверх за тонкую куртку, застывшую на морозе и превратившуюся в нестигаемую фанеру.

– Вставай, Маша, ты же замерзла.

– Уйди!

– Поднимайся, глупая, заболеешь.

– Отстань!

– Быстро встань! – крикнул он, больно дернув ее за руку.

Маша, вскрикнула от боли, закричала ему в лицо, захлебываясь от слез:

– Чего тебе надо? Тоже хочешь унижить меня? – в ее глазах бешеная ненависть, она снова ударила его по рукам, плюнула ему прямо в лицо.

Взмах его руки.

Маша зажмурилась, немея от страха. Но он не ударил её, лишь схватил за руку и с новой силой потянул вверх, поднимая на ноги.

– Так будешь меня или нет? – она все-таки встала, засмеялась, нервно и истерично – сил на сопротивление не осталось.

– Что ты делаешь, Маша? Зачем так говоришь? – он обнял ее, притянув к себе, заглянул в лицо.

– Может, у вас это семейное, я же не знаю. – Она всхлипнула, безвольно повисла на его руке, словно тряпичная кукла. Захотелось прижаться сильнее, чтобы ощутить тепло, которого так не хватало.

– О чем ты говоришь? – его голос уже спокойный, но взгляд синих глаз все такой же взволнованный. Смотрит хмуро с тревогой. – Не плачь, Маша, лучше скажи, что с тобой случилось?

– Я ненавижу тебя! – она опустила глаза, уронила плечи, невольно прижалась к нему, вздрогнув от порыва ветра.

– За что? – его шепот ласковый, бредет по замерзшему телу.

Максим снял с себя куртку, набросил на ее дрожащие плечи, заглянул в ее лицо, и она увидела, как его глаза расширились от ужаса. – Что это за синяки у тебя?

Она всхлипнула, попыталась отвернуться, но он не дал ей этого сделать. Требовательно взял ее за подбородок, повернул к свету дорожного фонаря, посмотрел на исцарапанные руки, на запястья с сине-желтыми разводами, на разбитые и опухшие губы.

– Откуда это у тебя?

– Дальше смотреть будешь? – она усмехнулась.

– А есть еще на что посмотреть?

– Есть. – Она улыбнулась, в глазах запылала ярость.

Он вдруг громко выдохнул, отпустил ее. Она не без усилия удержалась на ногах. Максим засунул свои руки в карманы джинсов, отступил. Посмотрел на нее, в глазах – злость.

– Так, значит, это была ты?

– Где? – усмехнувшись, наиграно легко спросила Маша.

– Там, в подвале. Я слышал, эту грязную историю.

– Не продолжай! – Маша резко дернулась. – Я не хочу об этом!

– Я серьезно. Скажи мне.

Маша отвернулась, шмыгнула носом от новой подкатывающей к горлу истерики. Он взял ее за локоть, тихо, но жестко сказал:

– Скажи мне правду, Маша! Это действительно очень важно! Это была ты? Это про тебя говорили?

– Что говорили? – с вызовом спросила она, ударив его ладонями в грудь. – Что я? Откуда я знаю, кто тебе что говорил!

– Скажи мне!

Машу затрясло и от холода и от гнева, захотелось ударить его со всей силы и бежать, куда глаза глядят. Но сил не было, поэтому она всего лишь устало переминалась с ноги на ногу, когда он взял ее за плечи и снова сказал:

– Расскажи мне.

Маша всхлипнула, стараясь не встречаться с ним глазами.

– Я не хочу об этом говорить.

– Они что, изнасиловали тебя? – его лицо исказилось болью. Голос – тихий шепот. – Или ты сама пришла к ним?

– Сама? – она усмехнулась, сжав зубы, попыталась вырваться. – Пришла к ним невинной девочкой? Сама? Чтобы один из этих подонков стал моим первым мужчиной?

– Тише, тише, успокойся, я просто предположил. – Он притянул ее к себе, крепко сжал.

– Да мне было так тошно и страшно, что я просто хотела умереть!

Он стиснул зубы, сказал медленно, протягивая слова:

– Идем! Я отведу тебя домой.

– Нет, я не хочу домой. Там милиция.

Он остановился.

– Что опять у вас случилось?

– Отец разбил окно, с кем-то ругаясь. Соседи вызвали наряд, и я с бежала.

Он мотнул головой, холодно произнес:

– Пойдем в милицию, напишешь заявление.

– Какое заявление?

– Как какое? – он больно дернул ее за руку, она засеменила следом. – О том, что с тобой сделали, ты ведь хочешь, чтобы их наказали?

– Но тогда все узнают!

– Никаких но!

– Твоего брата посадят!

– Есть за что! – Максим резко остановился. То ли от мороза и ветра, то ли от ярости, его лицо покраснело. – Этого нельзя так оставлять.

– Я не хочу никому ничего рассказывать. – Маша всхлипнула и снова заплакала. – Все узнают, я не хочу этого позора, мне и так хватает. На учебе тогда вообще не будет жизни, отец все узнает... Не хочу! Пожалуйста, Максим, не надо!

Он смерил ее долгим взглядом, тихо сказал:

– Хорошо, отложим этот разговор, а пока я провожу тебя домой. – Он нежно сжал ее ладонь. – Решу один вопрос, а потом, если хочешь, вернусь к тебе.

– Я не хочу домой, там слишком много народу.

Максим прерывисто выдохнул.

– Сиди тогда в моей машине, но учти, мне надо будет уйти.

– Хорошо. – Маша пожала плечами.

– Замерзла? Давай идем.

Максим поежился от ветра, одну руку засунул в карман спортивной кофты, другой крепче сжал ее ладонь. Она вновь вздрогнула.

– Запомни, Маша – я никогда не обижу тебя. – Сказал он, обернувшись. – Ты поняла?

– Да. – Она и так это знала.

Они вернулись к машине. Маша села, и как только Максим завел двигатель – подставила продрогшие пальцы к печке, сказала сухо:

– И ты запомни: я не хочу больше никогда возвращаться к этому разговору.

Он со вздохом кивнул. Несколько минут молчал, смотрел в ночь за окном, а потом вдруг спросил:

– Может, показать тебя врачу?

– Нет.

Снова тяжелый вздох.

– Скажи мне только одно, и навсегда закроем эту тему, ладно?

Маша кивнула.

– Игорь тоже во всем этом участвовал?

Она хмыкнула:

– Игорь? Ты еще спрашиваешь? Он не просто участвовал, это он, лично, притащил меня к ним. – Маша повернулась к Максиму, с ненавистью прошептала: – Видишь мое лицо? Это все дело рук твоего брата!

Максим со злобой усмехнулся, смерил ее взглядом, а потом так же молча открыл дверь и вышел из машины. Маша окликнула его – слишком страшным показался ей его взгляд и тогда он вернулся и тихо сказал:

– Жди меня здесь и не смей никуда уходить. Поняла?

– Поняла. – Буркнула Маша, пытаясь согреть ладони – из печки, наконец, подул теплый воздух.

Не прошло и десяти минут, как Максим вернулся, но не один, а с друзьями. Маша напряглась, когда он сел и молча, повел машину по проспекту.

– Я отвезу тебя домой. – Сказал он, заметив ее волнение. – А позже заеду к тебе.

Она пожала плечами. Он остановил автомобиль у ее подъезда, Маша посмотрела на темные окна своей квартиры. Света нет, а значит, гости разошлись, или всех, включая отца, забрали в милицию, как уже бывало не раз.

– В квартире сейчас, наверное, такой же холод, что на улице, а впереди зима. – Максим пригнул голову, посмотрел на сияющую дыру в кухонном окне. – Завтра что-нибудь придумаем с окном, а пока иди.

Она удивленно выгнула брови, встретила с ним глазами. Он кивнул на дверь, улыбнулся, и она смущенно отвела взгляд.

Маша вернулась домой, в холодную квартиру, такую запущенную и унылую, что сердце тревожно сжалось. Заглянула на кухню, на которой был, перевернут стул, разбросаны по столу

окурки, а из дыры в окне дул страшный ветер. Она поежилась, вышла, закрывая за собой плотно дверь, прошла по коридору, заглянула в большую комнату – хаос и беспорядок, сильный запах спирта – вот где не мешало бы выбить окно, подумала она и тоже закрыла эту дверь. Лишь в ее небольшой комнате еще не умер уют и ощущение покоя. Она села на кровать, обессилено уронила голову, подумала о матери – как ей её не хватает...

...Максим вошел в подвал вместе с Денисом, который уже всё знал. Не разбираясь, и не отвлекаясь на лишние слова, с ноги ударил в грудь стоявшего с сигаретой в зубах Матвея, тот отлетел к стене и молча, сполз по ней, так и не поняв, что произошло. Пока Денис таким же способом расправлялся с Леней, Максим, медленно, словно хищник, готовящийся к прыжку, двинулся на Игоря. Брат нервно отбросил в сторону окурков, сузил от страха вмиг протрезвевшие глаза.

– Макс, ты что творишь? – Игорь попятился назад, загнав себя в угол. – Ты из-за Котовас так злишься что ли? Поверь, она того не стоит!

– В кого ты такой урод? – Максим с ненавистью сплюнул, двинулся на него, сжимая кулаки.

– Не надо, Макс! Мы же братья.

Удар, глухой звук и на губах у Игоря кровь. Снова удар – глухой быстрый щелчок, и Игорь лежит на мокром полу.

– Ублюдок!

Игорь сплюнул на пол кровавые слюны, с отвращением и ненавистью посмотрел на старшего брата, процедил сквозь зубы:

– Глаз на нее положил, да? На эту оборванку? Я давно это заметил! Да тебя мать с отцом с лица земли сотрут, если узнают...

Максим схватил брата за грудки и, поднял над полом, прижал к стене:

– А как ты думаешь, маленький мерзавец, что они сделают с тобой, когда узнают, чем их любимчик занимается? И еще подумай: что делают с такими как ты в тюрьме.

Максим разжал пальцы, и Игорь тряпичной куклой упал на пол. Глаза его расширились от страха, и он залепетал быстро-быстро, бессвязно путая слова, бросился к ногам старшего брата:

– Не говори никому, Макс, ты с ума сошел? Мне же не жить тогда!

– Это твои проблемы.

– Да она даже не сопротивлялась.

– Заткнись! – Макс отпихнул носком ботинка его руки. – Закрой свой мерзкий рот!

Денис подошел, отряхивая руки. Леня и Матвей стонали, облокотившись о мокрую стену подвала. Максим развернулся, сделал шаг в сторону лестницы, но за спиной послышался смех Игоря.

– Поверь, Макс, она того не стоит. И не стоила! А теперь и подавно.

Макс остановился. Денис нервно дернул плечом, попытался перехватить Максима, но он резко дернулся, разворачиваясь. Глухой звук и Игорь лежит на полу. Снова удары. У младшего брата лицо в крови, на стенах бурые кляксы, а Макс все не может остановиться. Денис схватил его за крутку, потянул на себя.

– Хватит, Макс, ты же убьешь его! Остановись!

Максим с ревом отпрянул, только когда Игорь перестал шевелиться. Вокруг побелевшего лица брата растекалась алая лужа крови. Макс выдохнул, Денис наклонился, прощупывая пульс. Дверь подвала скрипнула, они обернулись – Илья и рыжий Коля кивнули на выход.

– Идемте, кто-то милицию вызвал, пока мы этих малолеток метелили.

– Макс, уходим! – сказал Денис, отталкивая его от брата.

– Жив?

– Жив. – Кивнул Денис. – Скорую надо вызвать.

Максим поднялся на второй этаж. Нахмурился – дверь в квартиру открыта – заходи, кто хочет. Он невесело усмехнулся, толкнул ногой замасленную грязную дверь, та жалобно скрипнула, открываясь. В коридоре горит свет, освещая грязный, затоптанный пол, потертые обои, табурет с облупившейся краской на ножках, на котором лежит кipa старых журналов по медицине. Максим прошел по коридору мимо двери на кухню, плотно закрытой – в щель у самого пола сквозил ледяной ветер. Остановился у следующей двери, прислушался – легкий стон и всхлипы.

– Маша, это я. Можно мне войти?

За дверью на мгновение все стихло, затем раздался шорох, и в появившуюся щель показала ее заплаканная мордашка.

Макс усмехнулся, аккуратно толкнул дверь.

– Как ты?

Она запахнула большой махровый халат, накинутый поверх джинсов и голубого свитера, села обратно в свою кровать, поджав ноги, натянула одеяло до самого носа, слегка откинулась на подушки.

– Я присяду? – он бегло окинул взглядом маленькую комнату, требующую ремонта, бедновато обставленную старой мебелью, но чистую и говорящую – здесь проживает девчонка – над кроватью постеры певиц и рок-групп, в углу у комода большое зеркало, украшенное открытками, а рядом на шкафу пушистые зайцы.

Она кивнула, и он сел в кресло напротив нее.

– Как ты?

– Никак. – Она мотнула головой. Лицо запылало огнем – то ли от его откровенного взгляда, то ли оттого что он всё знает – и как она живет и чем, и с кем... Зато теперь ему понятно, почему она такая оборванка – в сердце и в доме – бедность и хаос.

Макс тяжело выдохнул, посмотрел на нее долгим задумчивым взглядом, а она на его руки – ссадины от ударов.

– Что с руками? – спросила она. В гулкой тишине услышала, как бьется ее сердце. И казалось, громче обычного тикают настенные часы.

Он мотнул головой:

– Не важно.

– Учил их жизни? – Маша усмехнулась. – Ну и как? Успешно?

– Нет, – он снова мотнул головой. – Таких гадов уже ничто не исправит, но не будем об этом, я тут кое-чего принес тебе.

Маша перевела взгляд на пакет в его руках.

– Что там? – Ей пришлось с любопытством вытянуть голову, скинуть одеяло.

– Да так, сладости всякие. – Он улыбнулся, раскрыл пакет. – Ну, иди, посмотри.

От неожиданности она даже не противилась, вылезла из-под одеяла и подошла. Он протянул ей пакет – шоколадки, печенье, сок.

– Ты как дед Мороз! – она фыркнула от дурацкого сравнения, взяла шоколадку. – В детстве я всегда писала письма деду морозу и просила подарки.

– Приносил?

– Не помню, – она пожала плечами. – Наверное, нет.

Он усмехнулся и вдруг протянул руку, убрал с её лица волосы. Маша замерла, а потом, всхлипнув, сказала:

– Я так хотела, чтобы это был ты.

Перед глазами снова страшный подвал, чужие руки, чужие губы. Тело содрогнулось болью – воспоминания не ушли, как она не старалась их стереть. Они еще слишком живые,

чтобы просто так из ее головы. И показалось, что мир остановился, секунды повисли в воздухе, повязли в ее откровенности, как мухи в меду. Зачем это она?! Зачем...

– Извини! – она почти взвизгнула, закрывая руками пылающее от стыда лицо.

Максим казалось, смутился не меньше. Некоторое время молчал, смотрел на нее долгим взглядом.

– Только не плачь. – Наконец, сказал он порывисто, и вдруг протянул руку, прикоснулся к ее тонкой талии и силой притянул к себе.

Маша охнула. Села к нему на колени, без страха уткнулась лицом в его грудь, шмыгнула носом.

– Не плачь, Маша. – Его руки скользнули по ее голове. – Все наладится.

Она кивнула. Глаза закрыты, голова тонет в приятном головокружении – как от него пахнет! И ей вдруг хорошо сейчас – спокойно и приятно.

– Я совсем тебе не нравлюсь? – её собственный голос как сквозь толстый слой ваты.

– Нравишься, глупая, знаешь ведь. Красивая ты, Маша, высокая, на возраст свой никак не тянешь. Но я, к сожалению, знаю, что ты еще малышка.

Маша улыбнулась, зачем-то продолжила говорить глупости:

– Я тебе не пара.

– Это все чушь. – Он усмехнулся. – Лучше, давай, съешь шоколадку.

Он подтолкнул ее, и она поднялась, робко взяла пакет из его рук, тот оказался увесистым. Пожалуй, это первый ее подарок за последние годы. А когда-то, почти такой же пакет со сладостями приносил домой отец, всякий раз, в канун нового года.

– Спасибо. – Она вернулась к постели, забралась с ногами.

Максим поднялся с кресла, когда она увлеченно зашелестела обертками конфет.

– Я, наверное, пойду.

Она удивленно вскинула голову, пожала плечами:

– Если хочешь...

– Увидимся. – Он улыбнулся. – Я завтра зайду к вам, что-нибудь придумаем с окном на кухне, хорошо?

– Да.

– Вот и отлично! Ну, тогда, пока, Маша. До встречи.

Так и проходили последующие дни – Маша сидела дома, в своей комнате, являющейся для нее островком спокойствия в бушующем океане жизни, совсем не выходила на улицу, и намеренно не появляясь на учебе, и даже с Галей, периодически заходившей к ней, особо не разговаривала и не откровенничала. Улыбнулась только, узнав от нее, что Игорь в реанимации – сотрясение мозга и перелом черепа и его друзья прилично пострадали в драке, что случилась во дворе соседнего дома. Галина все гадала, кто их так и за что, а Маша смотрела на нее, сощурившись, и молчала. Она-то знает кто и за что. Он. За нее.

Отец все так же пил и все реже появлялся на работе, а в начале декабря его уволили. И снова мир погрузился во мглу, и лишь визиты Максима, хоть и не долгие, всего лишь на несколько минут, освещали ее путь лучами радости и света. Он всегда приходил, улыбаясь, и всегда что-то ей приносил.

– Подкармливаешь меня! – засмеялась Маша, когда он в очередной раз пришел к ней.

– Держи. – Он протянул ей два больших пакета. – Небольшой презент тебе.

– Спасибо. Может, пройдешь? – Маша улыбнулась, опуская подарки на пол, в глазах мелькнула надежда: – Чай будешь?

Она видела, что он уже собирался уходить, как обычно, стараясь не задерживаться, но сегодня вдруг в нерешительности замер.

– Пойдем. – Довольно улыбнулась она и потянула его за рукав спортивной куртки. – Отца нет уже вторые сутки, он у Татьяны, а мне скучно одной и одиноко.

– Хорошо. – Максим не особо сопротивляясь, сдался, прошел вслед за ней на кухню. На столе новая скатерть, а вставленное им же стекло в старые рамы окна – задернуто плотной, в цвет скатерти, шторой.

– Ты присаживайся. – Маша заметалась по кухне: поставила на плиту чайник, достала из шкафа чайные пары.

Максим снял куртку, сел за стол. Окинул ее взглядом – за месяц их общения она изменилась, повзрослела и, кажется, у нее, наконец, появился на лице румянец. Кажется взрослее, на вид как его однокурсницы по учебе, наверное, из-за высокого роста и не детской грусти в глазах. Маша, словно почувствовав на себе его взгляд, улыбнулась, карие глаза заблестели под светом бордового над головой бра.

– Как дела? Чем занималась? – он взял коробку с печеньем, высыпал содержимое на тарелку, снова посмотрел на нее – улыбающуюся и довольную.

Маша пожала плечами, отвечая на стандартный для его визитов вопрос:

– Да как обычно – читала книги, прибиралась. Тебя ждала. – Она замерла посреди кухни с сахарницей в руках, посмотрела на него с нескрываемым обожанием.

– Красивая ты, Маша. – Сказал он совершенно серьезно, улыбнулся, когда румянец на ее щеках проявился сильнее. – И хозяйка хорошая.

Маша расцвела от похвалы, наполнила чашки чаем, села напротив, подставила под подбородок ладошку. Он подмигнул ей, сказал:

– Ну чего, ты смотришь на меня, как кошка на колбасу?

Они одновременно засмеялись, и Маша мечтательно закатила глаза.

– Понял. – Максим сделал глоток чая. – В следующий раз среди печенья и конфет будет лежать батон колбасы.

Маша вновь прыснула от смеха, глаза заблестели от удовольствия, а Максим ощутил в душе тепло от ее счастливого вида.

– А ты почему на учебу не ходишь?

Она нахмурилась, не желая отвечать. Что ему ответить? Что одноклассников не желает видеть своих? Он и так это понимает. Или что ей абсолютно не в чем идти на учебу? Кажется, он сам знает все ответы.

– Там, в большом пакете, кое-какие зимние вещи. – Сказал он, словно прочитав ее мысли.

Маша удивленно посмотрела на пакет у двери.

– Но...

– Никаких но. Это вещи моей двоюродной сестры. Они ей давно малы. Лежат без толку, а ведь совсем новые.

– А...

– А размер должен быть твой. – Сказал он, прожигая ее взглядом. – Она тоже высокая и худенькая, как ты.

Маша выдохнула, смущенно провела пальцами по лицу.

– Спасибо, я думаю, что-нибудь да пригодится.

Она опустила глаза, лицо запылало, заливаясь пунцовой краской. Максим же улыбнулся самой доброй своей улыбкой, закинул в рот еще одно печенье, сделал глоток чая.

– Спасибо, тебе, хозяйка, но мне уже пора.

Они встретились взглядами, он поднялся, взял со спинки стула свою куртку.

– А на учебу иди завтра. И больше не плачь, Маша, и ничего не бойся. Поняла?

Маша кивнула, машинально дотронулась рукой до припухших от недавних слез, глаз.

– Обещаешь?

Снова молчаливый кивок.

– Если хочешь, я провожу тебя.

Маша фыркнула:

– Ага, как в первый класс. Нет, спасибо, это уже слишком, я сама.

– Хорошо. – Максим вдруг замер, рассматривая её, пожал ее тонкую ладонь. Маша улыбнулась, он усмехнулся. – И помни, ты обещала мне.

– Ну, раз обещала, значит пойду.

Максим улыбнулся, кивнул, отодвигая от себя, пустую кружку:

– На сегодня хватит. До встречи, Маша.

Глава 10. То, о чем и не могла мечтать

Пакет оказался не только большим на вид, но и тяжелым. Маша протащила его по полу в свою комнату, ощущая себя довольным хомяком с небывалой добычей, с усилием вытряхнула содержимое посреди спальни. Восхищенно охнула – в пакете цветные кофты, аккуратно упакованные в прозрачные пакеты. Она взяла в руки темно-синий моток, перемотанный веревкой, развязала, дернув за концы. И вуаля – как фокус – перед ней темно-синий пуховик с капюшоном из черного меха и вшитыми стразами на рукавах, на вид абсолютно новый, даже запах новой вещи ощущался.

– Обманщик! – прошептала Маша, не припоминая у него ни одной сестры, хоть даже и двоюродной. Она прикинула на себя обновку, восхищенно присвистнула, захотелось сразу привести себя в порядок: уложить волосы в прическу, потому как в таких красивых вещах хотелось и самой быть красивой. Помимо нового пуховика, который оказался как нельзя кстати – она-то думала, будет носить старую дубленку матери, в которой бы она точно казалась взрослой теткой, в пакете были несколько тёплых свитеров, джинсы и белоснежный шарф с белоснежной же шапкой.

Ощувив неслыханный прилив сил, она заторопилась в ванную, чуть не сбив по пути, еле стоявшего на ногах отца.

– Ты где был? У Татьяны? – спросила Маша, остановившись. Нахмурилась.

– Да. – Отец улыбнулся, протянул к ней руку, она сжала ее с силой, чтобы он пришел в себя, но он не отреагировал. – Вздремнуть бы мне, дочка. Устал.

Маша выдохнула, охватила его руками, помогла дойти до дивана. Он упал и тихо застонал. Маша сняла с него ботинки, стянула куртку, из которой выпало немного денег.

– Спи. – Она накинула на него клетчатое покрывало, убрала мятые купюры на тумбочку, взяв несколько листов себе. – Может, есть хочешь? Там продукты Максим принес.

– Он твой парень? – отец вздернул вверх брови, сощурил глаза. – У тебя уже появился парень, дочка? Как быстро ты выросла.

– Нет, Максим просто друг. – Маша вздохнула. – Соседка Анна Кузьминична сказала, что видела тебя днем на рынке, ты грузчиком устроился?

Отец кивнул, Маша облегченно выдохнула – хоть что-то сможет заработать.

– Хорошо, ты спи, а я скоро вернусь.

Она прикрыла за собой дверь его комнаты, взяла полотенце и отправилась в душ – нестерпимо захотелось нарядиться в обновки, сделать прическу и увидеть в его взгляде восхищение. Она верила, что вечером он снова придет.

И он пришел, удивленно присвистнул, застыв на пороге, когда она распахнула перед ним двери. Её светлые волосы завитыми кольцами обрамляли лицо, на бледных щеках румяна, на ресницах тушь, а черные стрелки сделали глаза более выразительными.

– Я вижу тебе всё подошло. – Он улыбнулся. В его глазах приятное удивление и Маша тихо ликует. – Можно войти?

– Да. – Она отступила, впуская его не только в квартиру, но и снова в свою жизнь, поправила на груди кофту горчичного цвета, провела руками по бедрам, обтянутым новыми джинсами. – Мне все подошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.